

и дѣтски восхоруженная дочь Иоанны (Манг' Аркс) дѣлаетъ ее голь-го среднимъ между ребенкомъ и ангеломъ и придаетъ ей невыразимую, не менсхен, ницъ, а именно дѣтственную предель. Менская сража, монументальная мечта о микромъ спасен, на вѣрнѣ сверга, возъ ее съ идеальной высоты; она становится безземельной и ничтожной; но раскаянне очищаетъ ее, и она вновь являетъ боговдохновенной героиней. Стершивъ своего миссия, она уже не можетъ осебаватъ на земли; она воплощаетъ въ себя судьбу мизантро прекраснаго, которо, му нѣтъ мѣста среди мизантро помлози, мелогности и грази.

Она — не амазонка съ геройскими ухватками и съ мужскими понятиями. Шиллеръ задумалъ ее какъ про, газельный образъ съ дѣтской фантазией и дѣтской робото, и связавъ дѣтская вѣра дѣлаеть ее великой. Она просе, ходитъ изъ идилической пастушеской области, куда за, глѣдываетъ поэзия и гдѣ живетъ прекрасное. Въ ней соединяется ангелъ и дитя, „вермененство и колдвалъ гелотенствва“ (Das Klauffait Mollendämy und Mitzu). Какъ золько она переедетъ быть ребенкомъ, какъ золько въ ней просыпаеть женщина, го очарованіе нарушено. Она проза, безознагельна, не раздѣлива въ своемъ дѣлѣ. Съ зрителя относительно ея гредуетъ дѣтство, зельная вѣра въ чудесное, и „грезнъ мѣртъ“ высунуаеть въ весь почти законъ силъно и вѣщественно, какъ въ „Фадертъ Теде. Возмечественноееъ прекраснаго указываеть наль какъ бы осадательно. Иоанна знаеть зайное; она знаеть общезвѣстныхъ дѣла, которыхъ ей никто не сооб, мзаль; она — пророкица и ея подвѣстивль исполняються

пророчества. Душо умираю звлкнеть ея предохраняет,
и зочает поелъ зого къ ней подходить искушение:
врага, котораго она должна убить, она должна полюбить;
озоръ разладъ разрываетъ ея сердце; она губевуветъ сова
виновной. Она не можеть осужаваться спокойной въ
соброръ, какъ Трезленн въ „Трагедъ“; органъ звучитъ зовъ
недъ подобно грому, своды гнетуть ея; она ищеть свѣтлаго
воздуха; она молча принимаетъ обвинение, которое
ея осуждаеть, какъ пенязане, посланнае небожь; но,
кинуудат, изгнанагад, выдохнуудат, блуздадъ дни и
ноги въ юнасахъ бурн и пучыни, она емова кало,
дичь миръ; плытовъ она вурьчаеть ея радостно; но,
волну искушению, котораго она боится, она не подга,
есть; человекъ, которыи зронуть ея сердце, дедъ недъ
есть зомько врагъ ея народа. Тогда геройская сила воз,
вращаеть оидь ея на попомць, приходитъ новое гудо,
зданельдъ цытн ея недъ снадаторъ, она освободидеть ко,
рондъ, подбывидаетъ и надаетъ, и передъ ней зкрывають
небесный врагъ. Та, которага здочет слушила, галль въ
бѣси - велика („Die fünf Hahnen, jr. 1818 oban yroft“).

Какъ Шиллеръ однажды воспользовался Теракломъ,
какъ символомъ, тобы прозвоносравить жидръ зель,
нучо и загороднучо, землю и небо, двѣиувидельносто и
идеаль, замъ зетеръ оное вздль ея зой дие цыльсто Орле,
анскую Даву. Но борбда сильного человека удаеть
елу лучше, толь невинноеть ределька. Оны были не,
достаточно сильны для задани, которуо оны себѣ постав,
били. Это герцога Бургундскій, правда, зронуть рывло
Жоанны и находить ея редельской, но ны не кало,
дилль зого вѣнеть ея ниль. Шиллеръ не умветъ въ.

разматывание природы; самознательный павар гер.,
павар крушение на эфий скалы; недооценка паварности
допуска замечать декламаторская лирика. Уме в
пролог ест павар оперное. Фоанна много раз не,
полнеть при, павар лирической декламации. Шил.,
пер в саковы дель не биль прозв оперы, поэтому
что она освобождает от рабского подражания приро.,
до, поэтому что в ней допускается гуденое и поэтому
что савет музыка вносит в павар больше свободы,
наго двисения и в думу болтае зонку восприним.,
вост.

Фоанна с дофинами и Агнесой Сорель создала новую
лирическую группу. И дофина говорит ривалла, во,
перу него косидея дилание поэзии урубадурови. Но ры.,
цари, которые его окружают, и ры., которые с ним
враздуют, однообразны: храбрые и несообразные герои,
разделенные только вымышленными образами, здесь фран.,
музы, гави англичане, в середине бургундцы, пере,
ходящие от последнего к первым. В английской,
как и во французской группе мы увидим различные
гави, которые сходят за драбу и которые прозв не.
Во французскую группу солитовые вводит только
поэтически; в английскую только поэтически вводит
модов. Это олицетворяет только ^{корона} Изаб и мы видим,
что она поеруеет сообразно своей дурной славе. Не,
прикиривая прозвница Дави оказывае в зо же
вред прозвположительный полсав благородного
и прекрасного. Прозвположительный фигуры другого рода
— Шамбоз, английской полководца и Шиб, озеца
Фоанна: первый паварующий, вполне придеромивающийся.

земного, второй — реалтези, который в зрительный брелена
 вышатаю свойми, задорся касидий зорько о близайшмих!
 Человечек, который не естурези божественного сущности
 на земли, который божья зорько злыть дубовь, предсеу,
 релаеть своего доль и дубавь, что она заняра адекими
 диломи. Но она прокладурь вь ~~в~~ всесть какь гевий сво,
 боды. Она спосодна на зо, чего хоталос Теревакай Клер,
 хель. Да пародь призываеть ее прозавь Борвавагося
 врага, и войско, которое она ведеть, побьдоносно. Но
 рядомь съ нею стойурь закме Бракенбургь — Раймондъ,
 который оедаеть ей безусловно преданъ и не оебавдурь
 ее, когда веть бгоуурь. ✕

„Орлеанская Дѣва“ есть рыцарская пьеса; и поэту
 не совельми пренебречь даме обыкновенности анна,
 разоль этого рода пьеса, какь они развила по Терева-
 скому „Тезу“. Все же „Орлеанская Дѣва“ стойурь далеко
 выше обыкновенности рыцарскихъ драмь, уне позоумь
 кто вь ней дало идеть о значительности общесрвен,
 поны дтми, а не о частныхъ позоривить дтмать и
 раздорахъ. Въ продолжение всей пьесы идурь сражений.
 Мелниеский гурруднеид, который авьдлмет при зрель,
 Шиллерь подтадилъ бласзательво. Сражений мась чере,
 даны вь разказы, оудольные дои прдмо изобразени
 на сцену и веть протикнури чловчески-личными
 интересами. Уне эти сражения напоминають Кладау. И
 зорь спосодь, какь все дворднжево естурезя равномь, какь
 вассалы огносятъ къ королю, все это рисуеть голмеров,
 скія огношения. Въ „Орлеанской Дѣвѣ“, какь и вь по,
 знавь Томера, стьмивагося боги и люди, божественное
 и чловческое неразрывно свьзаны; они непрерывно вь

ника сама казнить себя своего ружою. — Какие драматические предметы!

Въ „Валленштейна“ и въ „Марии Стюарты“ поэта перенесъ сцены герой за сцену, но конечно такъ, что мы ихъ должны были знать, когда происходило ужасное; а въ „Орлеанской Девы“ онъ похитилъ актуальное, впрочемъ не свободное отъ неясности правило. Только такъ передъ нашими глазами мы умираемъ на сцене браздующіе братья „Мессинской Невесты“, хотя въ дружелюбныхъ отношеніяхъ именно эта пьеса Шиллера указываетъ на наибольшую близость къ актуальному.

Какъ мы уже знаемъ, въ этой пьесе Шиллеръ опирался на вымышленной сюжетъ, какъ въ свое время въ „Разбойникахъ“ и въ „Коварствѣ и Любви“. Но уже въ то время, когда онъ писалъ больше всего указывалъ на его будущее, задалъ же, какъ въ „Разбойникахъ“, въ драмѣ Мензевитца. Онъ и самъ ясно это понималъ и думалъ, что долженъ пользоваться традиціонной традиціей, поэтому что ему легче обхохотиться двисъзвездностью, чѣмъ въ „Коварствѣ и Любви“ своей французіи. Но съ необходимостью и тѣмъ же зворисской силой, которая срабатываетъ романомъ, ищетъ для художника. Шиллеръ уже давно искалъ его, ища, который представилъ бы все преимущество „Царя Эдипа“ Софокла; и такъ ^{какъ} онъ не нашелъ его, до придумалъ ¹⁾ „Мессинскую Невесту“ и подражалъ въ ней „Царю Эдипу“: родъ, на который возмущъ проклятіе; предсказаніе, котораго человекъ сражаетъ изгнаннымъ и которое онъ именно исполняетъ; ребенокъ, который долженъ быть удивленъ, но сражаетъ живъ; всеохватывающая любовь и удивленіе радужника; тайна, которая обнаруживается въ ладѣ пьесы; вымышленный,

1) или лучше сказать, вывелъ уже Эриандотъ, французская, или немецкая и Мензевитца и обрадованный сюжетъ браздующихъ братьевъ —

козоровъ самъ себя наказываетъ, но его вина не очень ошдалена, какъ у грековъ, напрозивъ, быстро совершена и быстро оз., крикая, эта вина наказываетъ въ дельсое зого медя.

Мало зого, что соблюдены законы з.х. единства, здесь является античный хор или, по крайней мере два полу-хора, его замкнутые. Многочисленные подробности въ силе и выписки напоминаютъ какне греческую трагедию. Шеллинговскій средства, приобретенный раньше и выводитъ изъ сентивъ или козоровъ отъ зеперь равнился упорядить, происходить изъ традицій афинской сцены. Много разъ мы видели его образы, но повсюду видны какне само, средствный устакъ., Шиллеръ, говоритъ В. Шереръ, ни, где какъ задумиво не выражаютъ языка и не подымаю его на такую равномерную высоту, какъ здесь. Никогда отъ не изобразилъ характера въ законы цгальской силе, никогда не создалъ такого широкого поэтического мира, какъ здесь. Шиллеръ осмыслилъ одиризмъ, члтъ президе, въ, беси представлений античной мивологии, — отъ нахадился на сицилийской почве, где греческая жизнь продолжалась, ери жизнь въ своихъ памъзникахъ, где евеварие среднхъ выковъ могло издаться изъ античныхъ и арабскихъ ис., зогниковъ. Позре находили въ сицилийскомъ народн. удм., визитный огонь, находили ревность и междоусобицу силъ, ние, галы въ какой-либо другой нации, и радомъ съ зрими героизмъ и сронизмъ, изъ козоровъ можно было извлечь величайше плоды. Такой ревностью воспламененъ Дочь Цезарь къ своему браку, съ закои междоусобицы отъ его убиваетъ, съ закнмъ сронескимъ героизмомъ отъ убиваетъ самого себя и охраняетъ глудъ ко встали проседала друзей, матери, сестры: потому что, жизнь не есть большее

изъ любви, а была есрь величайшее изъ зомъ (Im Güten
 fühlst ist nur Loben mich, das Malal unmaßlos aber ist im
 Gefühl).

Трагическое столкновение, которое изображаетъ зналъ
 Шиллеръ, было не только дано въ песне Эврипида о еубае,
синахъ брахьдхъ, самовольна Эдина, а принадлежало къ любосо
укоренившимся подробностямъ по французии. XVIII вѣкъ,
 благодаря своей повеленной гувезвученности, едвала
 закончел озноченія близнаго круга сакси задучевные
 и идель, толь эо было претиде. Строгое закончел чегуна,
 на передь свободной склонности. Очересный авторизеръ
 не забывалъ себя деснозиски; дотри позерали сураль
 и облюкивалел любовью. Брахьдхъ и сесурь жили между
 собой въ квантнчайшей друиды. Но переходь совершилел
 не вдругь, протисел енезкое озноченія продолжало
 енир радель ея повелел.

Если подумалъ о дтйеизующиде мизадъ, мессинской
 Мевнеръ, то отъ невольной размычелозель въ сн. мизри.
 рескую группу: Изабелла, маръ, въ середиде, по ехоро.
 павъ ея снчель, вразидующие брахьдхъ, и около касидого
 его свиха. Маръ соединилел снчель. Но дид велель зронель
 есрь еиза друидъ зочка соединенія: Беззриве, дотъ, сесурь,
 касидый снчелла зочко зайто привязанъ къ ней, и ед
 воезуплене есрь нечелель.

Контрель брахьдхъ была необходимъ: отъ лемизри
 въ поестнчелости, вепилчеловести Дона Цезарь, въ зчелел,
 лотъ замкнучель правель Дона Мануэль. Вель лодь
 зрадид основивалел на этой размычел. Безъ вепилчел,
 чивости младшого брахъ и чилезвечной неворозливости
 едшого кахасурора не произошло бы. Но узнел первал

ссора, которая разрослась до смертельной вражды, счастливо покончилась лишь прозвонившимся характером. Фреде, брачный десерт, подавлял его зовом силой, а не боролся с ним любовью. В отношении к матери оба оказывались любящими сыновьями; в любви к Беатриче оба вдруг воспламенялись одинаково и разном. Беатриче и Изабелла изображены не индивидуальными, а только типическими. Несвоевременное удаление от родителей управляет точно также Беатриче, зато спасенная и воспитанная, зато любящая и любящая, зато полюбившая и ступившая эфиром счастливой матери, она поддается однако женской слабости: она два раза становится непослушна, поддается своему желанию, и ее любовничество дала себя роковым. Изабелла предсказывает мать матери. Как любящая мать, она пришла, рвется сыновей, укрывает дочь. В несчастии она обвиняет, есть богов и обвиняет себя виновной. Но кто велит ей скрывать дочь дома, чтобы было нужно? Кто велит ей доверяться сыну и монаху-снозолководцу? Трудное событие владыки его, как и ее мужества, который больше побуждался сыну и арабскому снозолководцу, чтобы голову человека колдовья. В злом роду нигде не было свободного открытого взгляда на небо; нигде не было чистой гротескной восточной, которая дала себя счастливой и возвышалась, напр., Орлеанскую Деву. Они боялись зовом, но зовом дьявола и добавлялся зовом земной благи; у них все было явлено желанием и за рывком бы, сорок слепящих дило. Ишь недосудая восточной, обуздывая сражен, и заживо образом иль насуживая Кемезида. Они пришли сь сибера и зиранически господствуют

надъ южными народами. Сверхъная энергия обращается
 прозавъ своей соборванной крови. Мы несеусеуветивы
 обездумсезвъ происходду несеусеуветивы дла. Но,
 бв виденные съ глчдой неавнесзю переносду угнезе,
 ние, раздываетъ раздоръ и шелатозъ зла гущилъ по,
 величелль. И эту прозивоположнотсзъ Шмилера про-
 бель какъ гинилескцо черцу, и плесроение жузелнаго
 народа выразилъ въ свуръ принцевъ. Оно надталль
 згилъ людей сзраседилъ слушацалъ массы и въ зо же
 время широкой рефлексией, какъа подобаетъ деуриеррасе-
 нилль, безучасннль зрительль. Оно собрала шль въ
 хоръ или скорте въ два полухора, сзаринъ и млад,
 мнъ, и згилъ довершилъ внегачельнне класеуеской
 драмы.

Эти хоры занимаютъ середину между хоромъ гре-
 ческой трагедии и глчдию зомалль или однорядннн
 группамъ, козоровъ Шмилера выводитъ узе раннне.

Раздойтннн какъ хоръ окружаетъ своего предводителя.
 згачорилннн въ, Фрнско зогно закнне сосавляютъ одно,
 роднню массу. Генералы Валленштейна и Лопер Вал,
 пеннзейна представляють грандиозно расчлененный хоръ.

Младъ Марин Сзюарухъ и дворъ королевы близавезъ за,
 клочають въ себн зародннн хоровъ. Въ, Орлеанской
 двови сродду другъ прозивъ друга два брасидетннн
 войска. И зогно закнне полу-хоры. Мессинской Кевъези
 представляють внксеръ съ глчль дагне сраснотонзед ар-
 мн и свизу двуръ государей. Когда они гчаевуютъ въ
 гнйсервн, они не выходятъ нзъ традицнй Шмилера, когда
 же они высказываютъ общне взгляды и, какъ цылое, го,
 бордуръ, зо они въ первомъ ^{разе} въ изорнн новон итальянской

сцене снова возвращаются к античной традиции. Они окрестности действии великопотоковой лирической жанра. Свободно изливаются фразы и сфранцузены по высоким вершинам человеческого духа, как бы таковы боги.

„Мессинская Небеса“ — говорит Шерер — есть лучшее произведение этого искусства, созданное Шиллером. Они относятся здесь к своим лицам совершенно объективно. Но напрасно Шиллер судилась, как никто, язык и стиль в этой драме; напрасно вложил он в уста полководца гуденя по глубокомыслию и звуковой красоте; напрасно немецкие критики даже до новейшего времени, как напр. Шерер (стр. 608, по русск. изданию стр. 198), сдвигают доказательство, что „Мессинская Небеса“ — „высочайшее творение этого искусства“ и с фанатичной остротой утверждают, что объективное полководца вполне сообразно, сдвигает дому нерасположению, которое подтвержденные юта, не издают к завоевателям стверднать; эта трагедия не пользуется большого популярности, и сам Шиллер поубеждал, что вранья классической трагедии прошло невозвратно. Но и в „Мессинской Небеса“ не осуждают, есть известное популярное содержание. Все еще звучит старая изломленная тема, борьба с франкией. Как в „Валленштейн“ император и слуги его воли сдвиг не в камушки своры, как в „Марии Стюарт“ Дюно, так и раскрывается деспотизм Елизаветы; как „Орлеанская Дюва“ направляется против приключений чудесного завоевателя и как „Мессинская Небеса“ изобразна, есть падение деспотического рода, который не может изжить корни в завоевательной земле.

„Wilhelm Tell, ein Schauspiel (1804). Учен в сендербро

1802 г. Шиллеръ взялся за обработку этой драмы и начал издавать швейцарскую хроникку Гвиди Гуди (Guidi, XVI б); въ февраль 1804 г. Вильгельмъ Телль былъ оконченъ. И въ этой крупномъ произведеніи народъ, къ изображенію движеній и жизни козорога Шиллеръ прибегнулъ особенно къ наклонности, выразить не зря, драматично неслезбеннатымъ хоромъ, а рѣдкомъ прееводомъ, но индивидуализированными личностями.

Мы не знаемъ, насколько выборы сюжетовъ у Шиллера опредѣляютъ современную исторію. Во главѣ одной арміи Лараэль и Дюмуръ оказали сопротивление государственной власти, какъ Валленштейнъ. Романическая и просвѣдская тла Мария-Антуанетта на смерть, какъ Мария Стюартъ. Прозивъ господства гуннеземельца на нѣмецкой землѣ производилъ Гибельскій Германъ; и зоръ же самый именуется мотъ дѣй, съвоаръ у Шиллера въ „Орлеанской Дѣвѣ“, въ „Мессинской Вѣсткѣ“ и въ „Вильгельмѣ Теллѣ“.

Телль, убившій зирака, и швейцарскіе крестьяне, подытожно возставиле прозивъ своѣ призвѣстїи, делей - сюжетъ источно революціонной; „Вильгельмъ Телль“ представляеть заговоръ, какъ „Фріеско“. Оно представляеть освобожденіе, какъ „Орлеанская Дѣва“. „На горахъ свобода!“ восклицаетъ хоръ въ „Мессинской Вѣсткѣ“. Какъ свобода горъ производило гуннеземельца зираканы, показывается „Вильгельмъ Телль“ Шиллера. Поэтъ не могъ вздръсѣ за него 5-6 мотъ назадъ, когда чинасы террора были закъ свѣтлѣ въ палатѣ; но въ эпоху концельсува и насильственнаго подавленія тле. менными особенностями, Шиллеръ италье полностью возмощ.

ности обработать его свободно и с увлечением. „Вильгельм Шмиллер“ Шмиллера свободен от предвзвздой мысли и искусственного правоучения, но парад, возмущающая сама собою изъ пьесы, вскоре направлена противъ геро, въ французской революціи: народъ и имперъ право возмущаетъ противъ власти, но только тогда, когда неощущено въ другія средства,

Когда никто помочь ему не можеть...

Да и въ заколахъ случать что-то возмущеній должено быть не утешеніе утешителей, не промисіе нѣтъ кро, ви, а только защита „Милой отчизны“, „теперь идтъ, фей“. Эту идею олицетворяетъ въ себѣ единоличной герой драмы — Вильгельмъ Шмиллер (находящій герой ея — многоличный; это — весь швейцарскій народъ). Шмиллеръ и здѣсь не безпримечательнъ; онъ вѣталъ сердцевою силой на сорокѣхъ утешителннхъ, какъ раньше сроднѣ на сорокѣхъ Орлеанской Дѣвы. Фоанна выходитъ изъ пидилліи въ широкій политическій миръ и возвра, щаетъ своему отечеству независимость. Весь швейцарскій народъ шибетъ въ изидилліи; зарыль на швейцарцевъ ложится гнетъ зиранин, и они его собра, сываютъ: оскорбленная природа снова возмущается, ередъ. Какъ въ Фоаннѣ, такъ и здѣсь Шмиллеръ бо, зыль предсавитъ наивное. Ему это удалое замаршн, те, чѣмъ въ „Орлеанской Дѣвѣ“, но не советилъ.

Норъ, но не въ антричномъ духѣ, золна въ извѣстномъ сроднѣ, движется въ центрѣ. Герой, какъ уже сказано, естъ самъ швейцарскій народъ, но разрышенинъ въ орднннхъ лица и зиранински упрощенннхъ. Президе всего разрышн, ноща дворяне и крестьяне. Последннхъ предсавленн сфр.

цель, искусство и юности: Валсгеръ Дюреръ, Вернеръ Шваф, Фракеръ, Арнольдъ Мельхаль. Позже очень часто вводили ихъ въ бѣдъ битвы на сцену. Въ это время, слыша въ то же время предсказывали зрѣлъ загроможденъ швейцарскій кантонъ, единодушны въ сопризвѣненіи прозвѣна насилья и произвола. Спарикъ склонился къ дворянству, юности возмущаетъ прозвѣна дворянства. Въ самомъ дворѣ, събѣ старое и молодое, старое и новое время расхлѣдывае. Спарикъ Баронъ Ардинггаузенъ сраженъ за крестьянъ и за свободу, отъ изобразивъ положеніе Германіи въ 1812 г., когда французы, обогорчили "къ немецкому, бѣдному" и "похупали сраженъ" къ немецкому "кровью". Его племянъ, ниль, молодой Руденцъ, сраженъ за юнцевъ, отъ разсудивае законъ, какъ разсудили въ 1812. зрѣлившее это. мери въ Германіи. Но зрѣло любовь соблазнилъ его, и сама дворянка, за козрой отъ члѣдывае, указывае ему самому, какъ Текла Максъ, на правду, на его долгу сраженъ за своиъ соотечественниковъ. Руденцъ и Мельхаль, дворянская и крестьянская молодость, первоначально рѣзко раздѣленные, въ зрѣніе нѣсны все болѣе сближа, юдей; а ниль примиреніе, совѣтсвая дѣдчальное, ниль дружескій союзъ озмелаетъ уравненіе сословій.

Относительно ниль бѣдъ Вилгельмъ Шельмъ сраженъ одиноко среди своихъ единоземцевъ, но выше всѣхъ; отъ занимае особое мѣсто, подобно тому, какъ Максъ Пикъ, коломнишъ Бонъ исключенъ изъ Валленштейновскаго хора. Вилгельмъ Шельмъ не знае сража; отъ ельнѣе и искусство бѣдъ; отъ гофовъ бѣдъ помогае, а самъ въ помощи не нуждается; но отъ долгие бѣдъ поко, рѣдѣ давленію зиранин, отъ гофовъ молча срадае

и надъярсеи на зорнехво справедливости безъ насилия,
 золько зойда, когда зираний врываеся въ нодра его воз,
 мюбленкой сими, когда она, оскорбляя природу, на,
 правляея его руку на голову сына, онъ возецаея на
 нее и одними ударомъ разбиваея въ орудие. Онъ ороизъ
 не какъ идеалсея прозивъ реалсея, поэтому что зойдет
 все симея въ состоитии гармонической идеальной приро-
 ды, золько Руденцею логере орднализея, но скоро возвращаеся
 подъ влиятелю мюбви. Кюль, Вильгельмъ Телль посрав,
 лень какъ задорной овозникъ среди мирныхъ наезубовъ,
 какъ одинокий смелый человекъ, какъ гений дивергентной
 силы среди обыкновенныхъ людей, которые бообразнотю себю
 сильны, если ея ними за одно или подобныя. В. Телль
 дивергентъ, когда друге ^{золько} говорятъ. В. Телль дивергентъ, когда
 друге совещаютъ. Онъ дивергентъ, когда друге унываютъ.
 Онъ, какъ уже сказано, не знаея страха. Онъ не задумывъ,
 ваея долго замъ, где нузино дивергентея. Онъ человекены
 и гозовъ всегда на помощь другимъ во всякой бяди и
 надъсея на Бога. Онъ полный силы и лобокъ во всякомъ
 мужественъ делье, творивъ суралокъ, озвасивъ моркю,
 лобкий мозникъ при надобности. Онъ всегда гозовъ у,
 порно захищаея: если онъ логере вполне наслаждаея
 жизнью, то онъ должиетъ завоевываея ея каждый день снова.
 Онъ логере дивертъ золько среди природы, золько на волъ,
 токъ воздуха. Онъ немногословенъ, но въ одинокомъ
 сзраисвидяе ему прихотятъ всевозможныя мысли, и онъ
 слывея за мечтателю. Онъ проея и непрахъзачеленъ,
 скроветенъ передъ высшими и менее возбудителю прозивъ
 зираний ороизовъ, галюе друге.

Но возъ зираний грудо врываеся въ его собезвещую

жизнь. Фрохль Тесслера, описанной сказочный зирани, Миссен, Адриан, как Шерер справедливо называю его — с полнотой, лишь безраздельно, с усмешкой властолюбием, кождо, ролу нестерпимы оружие в руках свободных людей и всякий государиный домъ поселяется, который французы, чешского суровостью Лохеръ добудся покорности преемство, Эрохль Тесслеръ принуждаетъ В. Темля принуждается въ его содвигательного реденка и сдвигъ яблока съ его головы. Онъ коварно выкакиваетъ опасное признание и Лохеръ нос, духъ его въ зорьму. Только чудо освободилека героя изъ руки угнетателя, и онъ зорьму признаетъ убийцу усмешного человека. ✕

Убийство Тесслера для Темля не только естественное право самозащиты, но даже долгъ. Свободна естественнаго человека съхъ долгъ, семья. Въ самомъ начале трагедии мы узнаемъ, какъ императорскіе фроды чарунаюхъ эту свѣтъ, зорьму. Оскорбленный мужъ удивляетъ виновнаго при зорьму безъ дальнихъ разсужденій, и весь его содвигъ, естественнаго одобряюхъ его. Также и Тесслеръ былъ виновъ, весь прозвѣ природы, когда вооружили руку отца про зивъ сына; съ этой минутою онъ въ порядкѣ природы франковидя въхъ закона, и оскорбленный отецъ, мерицъ за свѣрзу природу, убиваетъ зирани какъ дикаго звѣря, который опасенъ для его дома. Въ немъ не поднимаюхъ ни малѣйшаго правдивнаго сомнѣнія. Онъ звердо у, биденонъ въ справедливости своего поступка; онъ елика, ехъ его необходимохъ; пущъ его слабая жена усмеша, ехъ, пущъ Франкъ Паррицида ослѣпилека сравниреть съ нимъ: его всякая уверенность ослѣдетъ непоколебимой. Онъ говорить про себя Паррицида:

Рука моя чужда: Я безъ боязни
 Ее подъялмо къ небу. Проклинаю
 Тебя и звой посяноты. Я оумирилъ
 Свѣщенныя права природы — ты мне
 Ихъ посярмила. — — — (Переводъ С. Миллера).

Сравнивая полналиваго, недовѣрливаго, озорозитаго
 и спокойнаго Вилгелма Мелля, котораго сгоротилъ оръ
 общезвѣнныя дѣла и ограничивающъ свои интересы селеню,
 съ кономески пылкимъ и экзальсивнымъ, благороднымъ
 Карломъ Мооромъ, котораго мечтающъ реформировать все
 человѣчество, всего дѣлать можно видящъ, сколько горькимъ
 опытовъ перешли Шмиллеръ и все челоѣчество за по-
 слѣднйя 25 лѣтъ. Но Шмиллеръ ожалелъ выреть сѣткою
 свѣщенному мѣзъ своимъ кономескимъ принципомъ — при-
 цину гуманности. Герой его зрѣлаго возраста В. Мелль
 говорила форму мне Паррициды:

Какъ ни унасенъ звой посяноты,
 Ты челоѣкъ, я факте. — — — (Пер. С. Миллера).

В. Мелль принадлежалъ къ традиционнo прославля-
 емымъ революционнoмъ героямъ. Учене Руссо произно-
 сило его имя съ уваженіемъ, а гегелленскіе поэты воспе-
 вали его. Тѣмъ зочнае поелю окончаніа „Германа и Дорожи“
 занимался въ Швейцаріи стонеталъ, котораго, возникши
 сфранкскимъ образомъ, украшеннымъ элементарнмъ первообъ-
 ной германской поэзіи, въ XVI вѣкѣ были разеказаны
 съ геродотовской проеходой швейцарскимъ, уоше упоминаю-
 зымъ, мюноисцемъ Эдидіемъ Муди. Тѣмъ хотило Эдидаръ
 мѣзъ зтого эпоетю, но уезушилъ ^{стонеталъ} Шмиллеру, котораго
 старался оиерить герой оръ вѣдлага срадезвѣ съ царедѣи,
 цали французской республлки, вичавивъ въ его зациту

наивное правовое сознание наивного времени и закинь образцово косвенно узаконивъ, что въ лучшие наивные времена среди менее просвѣдъ людей подобное дѣй, съвѣе должно бы быть судимо иначе. Все швейцарскіе заговорились хозяръ только возмущены за своихъ смертъ и друзей. Все признають поэтунокъ В. Шелля справед, любилъ. И зирать были убить какъ бы на мѣсто, козо, му то, смерзокій съ бѣдной шенциной, безубервенный въ я зрозеленный просѣдалъ, оуказавши ей въ право, суди, здѣсь онды нарушалъ миръ дома, безъ основанія ознималъ у себя я Кормилца и хозяръ нанесу несаезкай сзракъ повѣд насилія.

Не узрадилъ герой поэръ и своей южонеской вѣры въ людей и въ возмощное сгася дѣя нибъ, немоура на все переиздае, напрозубъ, она еще окрѣила въ нелъ, только сдѣлалае болъе разборчива и разумна: швей, царскіе кресѣднѣ хозяри немокого, и это немокое было вполне законно, и они получили его.

Въ Вилгелмѣ Шеллѣ Шиллеръ борезя за добрую старину, за оуезезвенную свободу, какъ Тѣе въ, Терманн и Дорогъ: Два эи беземерзныя произведенія срадръ радочъ одно съ другимъ. Въ обоихъ радочалъ духъ гонѣ, ровской поэзи. Оба зародилел въ уваженіи къ при, родной невинноеи теловощеуба. Друсида великиелъ тѣкецкиелъ поэзовъ оказалае плодотворной дѣя обоихъ.

Послѣдняя драма Шиллера есъ единехвенная его драма, оканчивающаяся въ вполне сгасливо, герой не наеа, еръ, не умираетъ, но отъ возезае въ свѣдѣи силъ и освобождаеъ оу своихъ прихъстизаеи, побѣда швейцар, цевъ не только внѣшняя, но и выураенная: молодое

дворянство, в лице Руденца, руководимого любовью, при,
соединяется къ общему народному.

Все еще продолжалось действие старых основанных
мысли Шиллеровской поэзии, прославление идеального
первобытного союзника человеческого духа в лице Руссо. Въ
других случаях поэты безъ вбодили своего публику
въ миръ, который былъ уже далеко отъ природного со-
судия. Действительность, которую Шиллеръ изображаетъ,
не держитъ прекрасного и благородного, и низвергаетъ
того, кто слезами земными сраженъ. Доброты, ве-
ры, согласны съ природою и небомъ, и добрые оракулы
указываютъ имъ путь къ просвѣщенію. Злые получаютъ
знакъ оракуловъ, и родъ, который грозитъ прозвѣть приро-
да, уничтожаетъ въ земли. Въ „Вильгельмъ Телль“
впервые окружаютъ насъ чуждая природа, прекрасные
люди въ прекрасной местности; прозвѣе естественное,
которое нарушаетъ идиллію, приходитъ изъвне и исчезаетъ,
отъ думовенія свободы; природа утверждаетъ въ себѣ,
что бытъ въ правдѣ; прекрасное не исчезаетъ, но
осаждаетъ невредно.

Говорятъ, поэты — пророки новаго времени. Если ли
можно найти лучшее этому подтвержденіе, чѣмъ „Телль“
Шиллера. Въ то время, какъ „сила духа народного“ уже
плохо зарекомендовала себя (по крайней мѣрѣ въ глазахъ
германской интеллигенціи) сперва уяснили революціи,
а потомъ преклоненіемъ передъ солдатскими деспотизмомъ,
въ то время, какъ еще впереди предлежалъ длинный рядъ
годовъ рабства національностей передъ силою штыка и,
какъ митражи казалось, полного уничтоженія имъ и
всѣхъ ихъ преданій, поэты создали въ драматической формѣ

жить в славу этой дождливой малоизобретательной силы, которой было суждено сложить трагедию Наполеона в то время, когда кости поэта давно уже мерзли в могиле. Мало себя предрекали, как уродили Германю в 1809-1810 гг., дабы слова поэта: — — — мы пожертвовали

До времени: пусть нарастают нам
 Раскрыть ее трагедию; но нарастают день,
 И мы заразились всею ее огуляемью. — —

И мы еще слышали, что Руденцы разсуждают так, как разсуждали в 1811г. французские поэты в Германии и (кто?), Аугустинович изображает положение Германии в 1812г.

Нарекать давно ожидаемый день; народы возмани за "милую огуляемью"; "смоленские крестьяне оправдали слова Шиллера, и скоро даже Руденцы обратились в героев", говорить Курниловичевы.

"Если Швейцария дала некогда немецкой поэзии больше высокой и идеальной-французской меры, если здесь Клопшток нашел возбудение к своей поэзии, если Шиллера еще непосредственно учил у Таллера и с большими силами продолжали его дидактическую поэзию: то теперь отовсюду образуются привески Швейцарии благодарности Германии и сделаны Огюст Кюпером Кантонов с его окрестностями священной миссией свободы, слава которого будет продолжаться, пока будет существовать немецкая поэзия". (В. Шерер).

Центр этой драмы на театре сцены Германии был блистательный и вполне заслуженный: если в Валленштейне мы имеем произведение, в котором зворнеющая сила Шиллера являет углубленной и отто-

зворотной благозвонимости анализа и объективности
 Тере, в "Вильгельме Телле", несмотря на то, что стоишь
 зорь быть выбраны и даже охоты разработаны другими
 Тере, Шиллер озадачен вырветь своей великой миссии
 — создавать идеалы нравственного господства человека
 и общечеловеческой свободы. Здесь Шиллер выказал во
 всей силе своего гениальную способность изображать
 движение массы и иль поднимать себя массу зрителей.

Мы однако позже не припомним зажить мозгов
 жакь часо, как Шиллер, мужественная парюра которого
 мидь не пугалась вещей погрязности и стремилась
 кь сильнейшему заохроению прозвонности.

В "Разбойниках" — браздующие брань и одишь из миль
 почти охуждены. В "Заговоре Фриско" две фигуры,
 как Эмилъ Талорри и я озец. В "Коварстве и любви"
 свить возмущаедей прозвть озец, который подмизает
 у него самое дорогое. В "Донъ Карлосъ" озец озец и
 свить, неподвижная в раздоръ, между прочимъ из-за
 любви къ одной и той же озецине. В "Валленштейне"
 Макс, охвернувшийся озе Октавио, Телла озе Валлен,
 шрейма. В "Орлеанской Девы" Шидо, воззавший прозвть
 своей дочери, королева Изабо прозвть своего сына. Наконец,
 в "Вильгельме Телле" двордникъ в разладъ со своимъ
 пидельникомъ, озец, вооружившийся прозвть сына, крица,
 удивающий своего дядю и императора.

После "Теллы" Шиллер почти немедля приидел
 за тлавъ новой большой драмы: "Диллирий"; отъ уше
 началъ эту драмеду, на зорь разъ изъ русской мезорин.
 Озец жакъ же народная масса мезерски индивидуали,
 зирована и польский сейль представлеть ея неподражаемой
 "Самозванецъ".

силой. Обширн планъ поводитъ на планъ „Орлеанской
Девы“: победоносное сраженіе съ сознаниемъ добраго
дѣла; счастье на стороне героя; внезапное сомнѣніе,
вспуренный разладъ и вѣнчаніе поразеніе. Президентъ,
козоровъ снужаетъ себя находящимъ властелиномъ, узнаетъ,
что это не такъ, но все-таки продолжаетъ своего роль,
благосудебіе этого поднадаетъ подъ управленіе силы земли
и поразенный надаетъ въ ногахъ своей милой матери,
козора етъ него озрекаетъ.

Шиллеръ дошелъ только до второго акта „Димитрій“:
зудъ его заснула смерть. — Шестъ лѣтъ, промывшихъ Шил-
лера въ Веймаръ, были творческими его. Керазудъ,
какіе содесадники Тѣе, оны были придува въ докамъ,
ній кругъ сердца. Каждое изъ драмъ-то угодяю,
уде созданій было повелъ вѣнчаніе Шиллера. Но
удель не ограничивался трудъ его. Изъ его послѣднихъ
драматическихъ работъ вышло Почитаніе Людовика
(„Die Guldgrube des Ritters“, 9-12 ноября 1804г.). Смерть
не дала поэту окончить, кроме „Димитрій“, еще одну изъ
драмы, какъ-то: „Die Maltheser“ (Мальтійцы), „Harbeck“,
„Der Menschenfreund“ (Человеконенавистникъ — Антанронъ)
и др. Переводъ „Макбета“ Шекспира (1800г.), „Титандоза“
Тоцци (1801г.), двухъ комедій Пикара („Der Falset“ ^{Дерпел}
и „Der Keffe als Onkel“, 1803г.) и „Средотіе“ Расина
дополнили рядъ его сценическихъ созданій. Оны, какъ
будто, стилизованы вѣнчаніемъ, стилизованы поваръ въ разномъ,
образные родъ драмы — геній его свободно обвивалъ классъ,
силескую трагедію и драму Шекспира, французскій
фарсъ и трагедію древнихъ. Дѣятельность Шиллера пошла
до послѣднихъ дней его была неутомима. Оудавъ на театрѣ

русская публика больше дружить знает и любит Шиллера, величайшего из германских поэтов. В русской литературе существуют многократные переводы его драмы; что же касается мелких его сочинений, то много из них имеет уже по 12 переводов, как, например, "Раздолье земли", "Мощество пономоний", "Два из чудесней", "Амалия", "Молодая девушка", "Дивья раба", "Къ радоези", "Надежда" и "Идеалы". О Шиллере писано у нас — русских немало, особенно по поводу празднования столетней годовщины дня его рождения в 1859 г. Лучшая биография его приложена къ изда-нию Н. В. Тербеля. См. также: "Жизнь и творения Шиллера" Фрида Паллесе ("Отеч. Зап." 1858). — Речь въ память о Шил-лере С. Н. Шевырева ("Русская Газета", 1859 г.). — "Шиллер", биография. Очерк А. Виздерца (М. 1860). — "Шиллер", краткий очерк его жизни и произведений, составленъ по Вейлю (того же года). — "Шиллер и его время", лекция О. Миллера (1861 г.). — "Что о Шиллере" ("Время" 1861 г.). — "Шиллер, какъ поэт", Курно-Фришера ("Связочъ", 1862 г.). — "Рано-е признание Шиллера", его же ("Эпоха", 1864 г.). — "Восни-зательное значение Шиллера" ("Педагогическое обозрѣніе" (1869 г.).

Поэтическіе современники классическѣхъ десятилетій.

Между тѣмъ какъ Гёте и Шиллеръ возвышались своего соотечественнаго литературнаго и научнаго дѣятели, поэты и свои творцы, то остальные немецкіе литературные дѣятели слѣдовали самымъ многообразнымъ и самымъ произвольнымъ возбуденіямъ и направленіямъ. Изъ большого ряда современ-

Мезорид плав. мизературе XVIII в. и начала XIX стол.

никовъ, симбиозъ между 1790 и 1810 годами, подвинулся
доуско оздальнився науру, который погодно Тёре и
Шиллеру созрели, огицад ^{-освободилъ} идеалы периода бури и
паузыка; возростаюезд шимъ немногие, который пошмо
было бы, иризнае въ хорошеми смелыхъ слова, при,
знае члениками и последовазельни Тёре или Шил.,
лера.

Непосредственнаго ученица ^{Тёре} наго слагает Амалию
Фронтъ-Телсвицъ (и Helwig), урожденица von Finckhoff изъ
Веймара (1776-1834), срихотворения которой, Die Sironischen
von Lesbos (Лесбосский есээр) и Die Zeitabgaben (Время,
на дни) уже забыта, между темъ какъ ея перебоудъ
Фридрихъ-Виги Либера Петера еще цвѣтнуде - еще по,
пудрени.

^{какъ}
Разсказчикъ Эрнестъ Вагнеръ (Wagner) изъ Лейп-
цига (1768-1812), обзоръ романа Willibalds von
Niften de Laband (Взглядъ Виллибалда на мизис?)
и Die vierzehn Wölfe (Четыренадцатые - Сэрарубу,
коце симбиоза), закъ и Фр. Рохлицъ (Rochlitz)
изъ Лейцига (1769-1842), досзаймий мисагелъ по
мизиса, сзрелись прикинуе къ Тёревскому
повнезвобозельному мисагелу. Понъ Тёревский иъ,
сеиъ натель, приобралъ въ мискозорий случади
Карль Ланне (Lanne) изъ Визергаузена (1773-1843),
~~(уточнени? димитри?)~~ привлекаемый, кубеубиельный
мирисъ.

Юганъ Петръ Телелъ (Joh. Peter Hebel) родился въ 1760 + 1826.
мад 1760 г. въ Базель, пробель съ своєю матерью очень
мелальное дгужество. Благодохели дали ему возмозноке
проиди курсъ въ гимнази и поедуишь въ Орлангенский
^(въ 1782)

университета съ целью задръжа богословія (1777-1780),
 но недозагово средъ въ принудитъ Тебеля (въ 1780^{году})^{отълучи}
 Веригера и вздръ мѣсто деревенскаго учителя въ Лѣр.
 рахъ, а задръ, по посвѣщеніи въ духовное состояніе
 званіе, постръмитъ помощникомъ сельскаго свѣдѣнника (1783).
 Позомъ отъ перемель учителя гимназіи въ Карлс,
 руд (въ 1791), едѣлаелъ профессоромъ въ 1798г., а въ 1802.
 —царковникомъ совѣтникомъ, въ 1807г. получилъ ^{отъ} ~~отъ~~
 сго директора гимназіи въ Карлсруд; въ 1814г. бѣла
 членомъ консисзоріи, а въ 1819г. — евангелистскимъ
 прелатомъ и членомъ на пуземесудѣи 22 сентѣбря 1826г.
 въ Шверингенѣ.

Его „Алеманскія суживоренія“ (Alemannische Reden)
 поавилась въ 1803г. Авромъ въ то время бѣла, какъ
 ны уже знаемъ учителя гимназіи и проповѣдникомъ
 въ Карлсруд; ^{но} Тебель бѣла родомъ изъ деревни въ Баден,
 скомъ Оберландѣ; его партіямъ отъ писалъ свои суж.
 суживоренія, изъ его жизни замѣривалъ свои дѣл,
 суживоренія мѣлъ. Если Веліи Завоужъ чкръшила Тѣре
 въ идилимскимъ кардинамъ, то Тебель переносилъ
 приключеніе Давида съ Набаломъ и Абигайлѣ въ
 областъ кресъдмезва и едѣламъ изъ зго своего Накмез,
 Шонфреймскана члон Шморфканн“. Если Тѣре въ, итѣсно
 магомеца изобразилъ зго всемирно-исгорисскаго
 гетія въ видѣ порока, то Тебель, наоборотъ, описывалъ
 своего оулесзвеннцую рѣску, ^{Рѣску} ^(Луги) ^{Визе}, одѣвая ее въ ко-
 сромъ сельской дѣвочки. Въ то время какъ по-
 ззи —пейдасимезы уже слишкомъ часо предавалъ
 шерзвону описанію съ оуривожно наизамнскимъ
 шоривамъ, Тебель читалъ оживилъ природу наивнѣлѣ

олицезворения и зольны пудель, козорый Тердери
принимавалъ первоначальныя времена, создалъ
себѣ особенную мидологию, гдѣ все дѣлаеся какъ
у кресъданы. Твердой рукой и со свѣдѣнны томо-
роны оны срисовывалъ маленькїя сцены дѣйствїи,
желтности. Многїя поемы оны вкладывалъ даме въ
уста своихъ героинь, — добольному кресъданному,
влюбленному парню, нищему или почтоному срѣ-
рожку; оны охотно заставляея Бектдовахъ марсея
дѣлать или оуца съ сыномъ. И въ зтомъ оны про-
должаея наказе Клаудїусовы и позрами Гизунгенскаго *Союза поэтовъ*
Пауза (Platz)
дѣлать, но превосходишь нѣтъ своихъ мидокимъ
внузреннимъ родевомъ съ духомъ народа.

Поэзия Тебеля шла въ разрѣзъ съ направлениемъ
романтиковъ. Прозрѣе и ясныя образы, выхваченные
прямо изъ жизни, создавалъ оны главную прелесть
его произведений, Тебель просто рисуетъ картины при-
роды, и любуя олицезворяея ея силы. Такъ въ его
пэмѣ цюльмудовы срихворенїи „Лугъ“, проведено
сравненїе между оныю поподой дѣвчужи, съ дѣзурва
до брака, съ зелениныя рѣчки, вышедшей изъ горы,
прохлѣкающей по лугамъ и, наконецъ, впадающей
въ Рейнъ. Какъ въ поэтическїхъ, такъ и въ религоз-
ныхъ воззренїяхъ Тебеля оны на уровеньъ народ-
наго потшпанїа. Вышнїяя форма его произведений
скорѣе эпическая, чѣмъ лирическая. Его александ-
скїя срихворенїя припоказать къ пюнке-пюмел-
кины идилліяны въ гекзаметрабъ Фросса. Прозаиче-
скїя сочиненїя Тебеля такъ же заимъзельны, (хоть) оны
припоказать къ народному писателю Клаудїуса.

Ктобольские рассказы, изданные шваб подъ псевдонимомъ
 „Бездольки Рейнского друга“ (появились сперва въ „Rhein,
 Länd. schen Hausfreund“, 1808-15, 1819, потомъ въ „Sprey,
 Weißelstern des Rhein. Hausfreundes) или „Рассказы рейн-
 скаго друга дома“ и „Biblische Geschichten“ („Библейскія
 рассказы для юношества“; — образцы поэтической про-
 зы и правды. Возь одна его поема по мер. Воскре-
 сное утро въ деревнѣ“ по переводу Жуковскаго на ки-
 малей египтологическомъ образомъ:

„Слушай дружок!“ говоришь воскресенью Суббота: „деревня
 Вся уюб заснула давно; въ окрестностяхъ все уюб покойно;
 Время и мнѣ на покой: мнѣ одолѣла дремота:
 Полночь близка!“ И только уснула Суббота промолвить:
 „Полночь!“ а полночь уюб шумъ и ее прижимаетъ бездомно
 Въ зыбкое лоно. „Моя чередъ!“ говоришь воскресенье;
 Легкой рукою зыбко-конки двери свои озворило,
 Вышло и спозришь на звѣзды: звѣзды ярко сияють;
 На небѣ зѣрно и тихо; у солнышка заботы задержура.
 Долго еще до развѣтвѣ; все снуръ. Иногда похваляетъ
 Свѣдѣній почкой въ зорькѣ, возъ соми безраменувшихъ, какъ будто
 Луна далекий прихоть болѣе пронуваетъ. Небидилкой
 Ходитъ, какъ дубъ беззалесяннй, несвѣтлой стоной Воскресенья.

1752 — 1841.

Кристофоръ-Виггеръ Шидге (Tiedge), родился ^{13 декабря} 1752 г.
 въ Гарделегенѣ въ Мекленбургѣ, былъ болѣзненнымъ
 ребенкомъ, воспитаннымъ въ педагогической суровости
 своимъ отцомъ, суровымъ схоластикомъ и школьнымъ
 управителемъ. Оба эти одерзженства развили въ молодомъ
 Шидге мелодичное и прекрасное дуба, оздравившее мнѣ,
 мѣ годы его молодости. Одна мать не озабочивалась
 въ будущности сына, смирившагося гуръ не за идюла,

она высказала свои мысли о Боге, Безмерии и свободе.
 Книга эта была долгое время любимой книгой женщины
 и раздражала коношера. В ней она не сражалась
 против ни клерикальной парии, ни атеистической,
 велозервие того крайние представляли обилие лагерей
 нападкам на его книгу съ болышійми омерзениями.
 Переведенная на французскій и итальянскій языки, она
 долгое время служила образцовым классическим
 произведением. В Германіи она выдержала много
 изданій.

Августъ Шиде, законъ же писатель посланий карль
 Геймъ и его друзья, къ козорамъ она принадлежала,
 своимъ языкомъ гораздо болые напоминалъ Шиллера,
 а своими идеями и „Урагисей“ указывалъ назадъ
 на Клопштокъ и Таллера. Возь небольшая его пьеса: „Волна“:

— Скажи мнѣ, мужная волна, Куда несетъ ты?	} Тамъ одокою на волны я, Тамъ будешь мнѣ покой, Тамъ сбрую, съюто я съ себѣ Козорый прахъ земной? (Переводъ В. Шиллера)
— Я, низкий зрѣвшая волна, Тыю озо съезды.	
Музейской нѣ далѣе съзрѣть	
Въ неиздѣржимой океанѣ:	

1757—1835. Августъ Лангвейнъ (Aug. Friedr. Ernst Langwein),
 родился въ Рагдебургѣ въ Саксоніи 6 септбрѣ 1757г.,
 учился въ Лейпцигѣ правовѣдѣнію, былъ адвока,
 жилъ въ Дрезденѣ въ 1785г., а управился въ Берлинѣ
 въ 1806г. и умеръ тамъ же (цензоромъ) какъ цензоръ
 беллозриернскихъ зрудовъ въ 1835г. — Въ своихъ шалосъ,
 похъ срилозвореніемъ подразналъ она Тагедорну, а въ
 своихъ балладахъ она была — Бюргеру. Лангвейнъ, за
 многолетнимъ юморнирнскимъ писателъ своего времени, —

оформился необыкновенной плодотворно, а выскеръ съ
 зрѣлы и знаменитой расцвѣтченостю. Своѣ часо въпада,
 его въ шаровъ или карикатуру, и Шерръ называлъ его
 „великимъ зомско въ поимоску“. Лангбейнъ писалъ
 во вѣсѣхъ родадъ: басни, баллады, лирическiя сказы, ко-
 ренiя, легенды, юмористическiе разказы и романы.
 Лучшей псесой его изданiя сказы баллада „Рубашка
 счастья“, похвалъ баллады: „Покаянiе“, „Слѣпой конь“
 и „Оцзсудийца“. Первая баллада прекрасно переведена
 Мухомовскимъ. Кроме того, на русскомъ языкѣ его пере-
 вадъ его юмористической повѣсти „Легкая жизнь“, напеча-
 танной въ 1805 г. въ Москвѣ. Изъ его юмористическихъ
 разказовъ въ сфрабѣ самый извѣстный и самый луч-
 ший: „Das Abenteuer des Fraters Sigmund und Schulmeister
 Peter Baxel“¹⁾. Въ своихъ повѣствовательныхъ сочиненiяхъ,
 какъ въ прозѣ Лангбейнъ слѣдуетъ Виланду. Въ болше
 зрѣлѣхъ годадъ онъ оказалъ оу шалоури въ своихъ
 сочиненiяхъ. Изъ романовъ Лангбейна лучше: „Вона
 Келлербургъ“ и „Свадьба мажебра Цамелса“.

Фридрихъ Магнусонъ (von Matthiesson), родился 1761—1831
 въ Тогендоделенѣ у Магдебурга. Въ Галле, въ учн,
 версиферѣ слушалъ оу курсъ богословiя, но увлекаея
 филологiей, литературой и ескрзвозмачiемъ, а по
 окончанiи курса посудилъ домашнимъ цуфелемъ
 въ семейство одного шпрляндскаго графа, сопровождаея
 молодымъ шпрляндцемъ на путешесви; съ 1794 г. оу
 былъ лекторомъ и соудникомъ кнѣгини Ангальт-
 Дессауской, и зачѣмъ онъ провѣлъ двадцать лѣтъ, пере-
 ходя изъ одного дома въ другой, въ кансервѣ воспитателя
 или секретаря. Только въ 1812 г. получилъ оу мачсо

1) Сураниное приклясене сдѣженника Ш.ковске и шполскаго цуфеля
 Бакелья

директора театра при Вюртембергском дворе в Шлуззгарте, которое занимало много людей. В 1824 (1829?) года жил он в Вюртемберге, где и умер 12 марта 1831 г.

Фридрих Фрэнк-Мазусон, который был известен в всемирной литературе и признан как сатирик, также поэтический ландшафтный живописец, которого хвалили Гюгено и Шиллер, рисовал много пейзажи от Клоуцкока, Тейбури, Оссиана; но он и один из последователей натур-поэта Теенера. Темпера крайне сатирического направления, Мазусон больше всего обращал внимание на описание картин природы, но редко придерживался правила о границах поэзии и живописи, высказанного Лессингом в „Лаокоон“, и переходил в изображение природы за пределы, возможные для поэзии. Лучшим из его описательных стихотворений: „Flaen in den Ruinen“ и „Ulten Baurfessel der Furrinien“ („Дельта, написанная на развалинах старого горного замка“) — она изображает рыцарскую жизнь, тобы вглядеть в мысли о древности —; „Abend und Nacht“ („Вечерний пейзаж“), „Картина лунного света“, „Finke, jenseit“ („Взгляд в глаза“) и др., увлекаются отдельными эффектами; но впечатление целого оказывается убогим, желтым и ненатуральным. Сверх того убожество вглядеть и ро грубое нагромождение, которыми пропитаны, то почти каждое его стихотворение. Видеть извне, голый природа одно мрачное и убогое, он вна, глядя в односложности. Это „Меневское Озеро“ во, ить вает колдунья современного романтического убова

природы, привлекая в манеры Клоушгока отдаленная
времечка и предметы. На его элегию „Adelaide“ („Аделаида“) Безбоверн
написал музыку. Его двустиший миф Уралин
образные и шутки и похвалы Богу сравнимы с рим-
скими элегиями и венецианскими эпиграммами
Тезе.

Ся Марзисономъ были связаны личной друждой и по-
этическомъ родстве бароны Фрицъ-Салиеръ и Фридерика
Бручъ.

Йоганъ Фрицъ-Салиеръ-Зеевиеръ (Joh. Gaudenz von Salis-Zewis), 1762—1834.
родился 20 сентября 1762 г. в Маланенъ в Граубюнденъ;
Фрицъ-Салиеръ принадлежалъ къ древнѣйшимъ фамиліямъ
Граубюндена и былъ капитаномъ швейцарской гвардіи
и на службѣ Людовика XVI; изгнанный революціей, жилъ онъ неко-
то время Фрицъ-Салиеръ капитанъ Хуръ в Маланенъ 29 Янв.,
Февр. 1834 г. Какъ Марзисонъ, Фрицъ-Салиеръ-Зеевиеръ, въ
своихъ элегіяхъ изображалъ грустное настроеніе, но
согрѣтое любовью къ отечеству, отъ него сроднозвоненія
его были Марзисоновскія. Его „Могилы“, „Бережника“,
„Сознательнѣ“ — принадлежатъ къ лучшимъ пьесамъ этого
рода.

Зоркое время въ
исторіи и Бер-
нѣ, въ 1803 г. воз-
вратился отъ
на родину;

Швабскіе соотечественники Шиллера, Нейфреръ,
Телсдерлинъ и др. (напр. Котцъ), также изображали кар-
тины природы и классическій фризъ. Христианъ Нейфр. 1769—1839.
Ферр (Christian Ludw. Neuffer), родился въ 1769 г. въ Штурцъ,
Гаррнъ, учился въ Штуттингенѣ богословію, платилъ разныя,
но въ духовной церковной должности, съ 1819 г. былъ
городскимъ пасторомъ въ Ульмѣ, гдѣ умеръ въ 1839 г. —
Нейфреръ по призыву Фросса попробовалъ свои силы въ
идилліи. Вотъ слабая идиллическая поэма, таковы: „Die

(Остатки пражского)

Herbstfeier („Der Tag auf dem Lande“, „Günther“ и др.), а
в одах подражал отцу Горацию.

1770—1843. Фридрих Тейсгерлинг (Fon. Christoph Friedrich Flöt,

derlin), родился в 1780 г. в Маурфелсе у Кеккара,
умер в 1843 г. в Мюбингене, в 1793 г. были войны,

зазелена-насавашикомы у ср. Калста в Вальтерсгаузена
Мюбингин, в 1795 г. умер в Беме срилоосфин,

годъ позже (1796) онъ въ насавашикомы во Франкфурте
на Майне, в 1798 г. отъ оставилъ зайкомы годъ, отъ

правилъ в Тамбурге, вна в унине, умрл по,
годъ инокорое время на родини и Швейцарии, былъ

в 1801 г. домашикомы унеламы в Бордо, а в 1802 г.
внал в поштамаркесво, которое не оставило его до

самой смерти, пославовавшей в Мюбингене в 1843 г.
По Мюбингену Тейсгерлинг былъ ^{философомъ} добаринъ Верельд

и Шеллинга, пантеистически настроенный и метаб,
ний о греческомъ мире. Его романы „Тимериона“

(„Elysion“, 1797—99) — прекраснейшая элид о падении
эллинского мира.¹⁾ Дрозъ его романы и его неоконч,

ченна эрагедия „Эмредоклес“ („Emredokles“, 1799 г.) бы.
разногоръ зомско его личное настроение. Тимеская

и драматическая поэзия соавидгоръ у него зомско
маску лирики. Она касаетъ ^{земли} (какъ же неоконч),

какъ Клопштока. Сильнейшее влияние на него
на него Шиллеръ, и его первый ридноватный эпро.

фы слышлн обичны идеаломъ воодушевляющаго
пономсрва с Шиллеровской резорикой. Но вв

перидноватный одахъ и свободный ризналъ, вв
двусримидахъ и гекзаметрахъ, которые появились вв

1796—1801 годахъ, развертываетъ своеобразный бы.
^{1) utero suo genuit in Frankfurtum.}
^{2) или „Der Tod des Emredokles“}

+ Въ зтомъ насер.
оковы произведенн
италийской прозы дн,
сзвие происхадитъ вв
недавнелъ промслово
вв новтайшей Трелции.
незорическое содер.
жанне далекое пере,
внмивалое личнны
настроениемъ; а Тре,
цид, хоръ и вздряд
вв извоженномъ мо.
менр, ввнверъ сь
Томъ была, однако
идеальной эрракой
италийский средн,
лений и классиче,
скаго образованн,
какъ вв „Агазонн“
Виланда. „Тиме,
рионъ или оуминъ,
никъ-акабореръ
вв Трелции“, згоръ
романы Тейсгер,
лина и

сокий гений, который поднимается в эфир, окрыленный
 или Флинской атмосферой: это искусство созрело
 до окончательной красоты. Срадания любви ознакомили
 бедный поэтический излитие. Словом, его творчество была
 подобна его страсти. В звердынь словах зрело
 глубокое срадание. Внутреннее и внешнее, душевная
 жизнь и пейзажи звучат вместе; Клониторковское
 созерцание могло сразу символическим, как и у Тере.
 Когда он просит произведений у своей возлюбленной
 в печали, которую он ей навлек: „о забудь это,
 забудь“, продолжает он, „я иду подобно облаку
 передь мирным ильдеям, а за спина успокоится
 и заблещет в своей красоте, ты, сладкий свет“.
 В его пейзажах ильдеи недосадка в звердынь рн.
 сунки: он вторно и ясно набросал картину Тейдиль,
 берега; а как прекрасно в его вторном в каждой
 герге изображении всегда печально и величественно,
 но звездная ночь иль-за горных вершин, „правда,
 мало заблещет о нас“. Но он охотнее выдает в
 неопредмеленном настроении. Он, как грек, на,
 божно смотрит на великую природу и с благо,
 говением называет имена богов. Иногда он охот,
 но переносит то, что они посылают ему; иногда
 он говорит об „укоренившейся, вносящей востоду
 раздор, ненависти, которая разлучает богов с людьми.
 И „Письма о судьбе Тимериона“ (Furregions Språkrel,
 kind) с охотой больше указывают контраст между
 блаженными гениями наверху в свете и срада,
 тощими людьми, которые сильно с гаса на гас, как
 вода, бросающая с камня на камень, цылыми годами

за зрабой въ лосу и подслушивала бы дичь на холмы
и никогда напрасно! Никогда не обманывали меня,
прекрасный, звон пущи, потому что почти советом
гозобый являлся ты, подавая советы, ради сердца; где
ты, стужи! Сердце оидъ бодро, но все еще меня без-
жалостно одлекает насильственная ночь.

Въ своемъ сужавъ Телбдерлинь дошелъ до само-
бозности и оригинальности, козорья джелаетъ его од,
нилье тхъ замечательнейшимъ лириковъ Берманн.
Тимны „Въ судьбѣ“ (Am Tag Sifferl) и „Тени смѣлости“
(Genius der Fäurrit) созавидноу возумление къ его
увлекательнымъ повѣдямъ къ Диозимъ, где „освободител-
ный духъ нашъ возлеаетъ въ пламени“, и къ его
огады и рансодидамъ, где го возвышенно мечтаеу
вдохновенное безумие“ (Klein, „Der blinde Sänder“,
^{картина природы} „Das Annenbild“, ^{музыкальный образ} „Diebstahl“, „Under den Alpen gesun-
gen“, „An Edward“ и з.д.), го въ нектоидъ суровавъ
малагаеуя мечта идеала на выуреннйя и вытиснйя
возбуденйя и внеахлтонйя („Die Länneken“, „Der
Zeitgeist“, „Der Tod für's Vaterland“, „Die Heimath“, „Die
Hoffnung“, „Die Liebe“, „Der Abschied“ и др.), го набраса.
вазуръ полныя плазичности картины природы
(„Teufelsberg“, „Веккаръ“). Въ своемъ „Эмили“ Телбдер-
линь созавидъ поэтический разказъ, сроднии совершен,
но самообязно въ немецкой литературе; его Эмили
(„Менонс Klage um Diotima“, „Die Herbstfeier“, „Der Nän-
^{сказание} den“) дымаетъ глубокиль кубезовтъ; описательная
поэма „Архимеланъ“ — формисербенный гимнь Эла,
да, а уне утомидурый романъ „Тинеритонъ“, какъ
уне изложено, — прекрасныймав Элиидъ о паденйи
Эллискаго мйра.

Сказованье Менонс о Диозимъ

Влаконцы, его трагедия „Эммедонна“, какъ уже сказано, осуждается неоскотною. — Несчастливый Теллерманъ былъ благосчастливъ какъ пануменскъ и имѣлъ такія поразительныя мелодии, что имѣлъ силу еще до сильной поры погрѣшать насъ какъ бы съ первой силой. Кадъ всей поэзіи Теллермана распростирается за элги, жесткое настроение, козороку Шиллеръ далъ выраженіе въ своемъ сужденіи „Бомъ Тренин“.

Кадъ поэтовъ слѣдовали классиками лишь по формѣ, не имѣвъ той же силы. Кромѣ уже упомянутой ульи — Маррисона и Фомы — Самеа — надо здѣсь еще прибавить: мурка и идиллика — поэта идиллическаго, Коже-гардена (Ludwig Theobald Kosegarten, 1758 — 1818), священника на островѣ Бюгенъ, сразившагося канцлеромъ, но соединяющаго Клопштокковскую прелесть съ идеалами цѣлительности. Далѣе, сюда принадлежатъ:

Гейнрихъ Фомъ Коллинъ (Heinr. Joseph von Collin) изъ Вѣны (1772 — 1811), трагедія „Regulus“ козорого много удивлялись, но она оказалась такъ же, какъ и его „Сотолоан“ и „Полукена“ только повтореніемъ французской сцены правды.

Какъ одинъ изъ позднейшихъ подражателей эпохи псевдо-классическому направленію въсвѣдѣнъ Ладиславъ Туркеръ (Ladislav Turker von Felso' Dör) изъ Ватны въ Унгари (1772 — 1847), козорокъ свѣдѣнникъ, наконецъ архіепископъ въ Эрлау въ Унгари. Его эпическія поэмы „Тунисіас“ и „Ридольфъ вонъ Фаввигод“ (Рудольфъ Табедурскій) предсказываютъ, собственнорѣчь, эпическую науку („изифръ Лунганвилъ“).
Собственнорѣчь особенно много въ классическій періодъ

занимается Йоханн-Павел-Фридрих Рихтер (Richter),
 обыкновенно известней под именем Жан-Поль Рил,
Жера или просто Жан-Поль (Jean Paul), высокопаро,
 лирический юморист и романист. Он родился 21 марта
 1763 г. в Вундсбелле, небольшом городке Сосновских
 гор (Fichtelberg), где его отец был пастором. Вранд
 его юности и воспитания было для него, по его собствен-
 ным словам, "временем страдания и периодом голо-
 да"; но оно не раздражало и не боролось с судьбою,
 как Шиллер. На свое образование, хотя ограниченное, он
 поехал и заботами, отъ всегда смотрел без озлобления,
 с глубокого зрелости, проникающего весь его сочинения.
 В 1779 г. хорошо подготовленным уроками отца и массой
 прочитанных книг, он поступил в гимназию в Тюрин-
 гии, где обнаружил замечательные способности и прилежание.
 Но в 1780 г. в том же году умер его отец, и семейство Рихтера
 попало в крайнюю бедность, которая окрасила в печаль-
 ный створый цвет все его молодость и помешала его
 правильному занятию. В 1781 г. он поступил в
 Лейпцигский университет на богословский факультет, но
 начал себя преимущественно не только лекциями и наукой,
 сколько крайне разнообразными чтением и массой вы-
 писок. Сдало быть, он меньше изучал богословие, а больше
 занимался лирическим. Он очень увлекался Лессингом,
 но в то же время еще больше ^{аристократичности и интеллигентности} читал Вольфа (1667-1745),
Стерна (1713-1768) и немецкого юмориста Тил-
лемана (1741-1796). Член 19-го ордена Жана-Поля при-
 готовил в печати свою прозаическую сатиру: "Тренланд-
ские процессы". Эта сатира была первым произведением
 Жан-Поля, изданным или еще в период его детства.

Эго рукописи, кото-
рый отъ разсказа ко-
вены издалъ бытъ, оу-
више незначительна,
ли, его просиделъ бытъ
тесна. Свѣтъ озвѣта.

Положеніе Ман-
Поля сдѣлалось еще
болѣе злоеумиымъ,
какъ какъ на немъ
лежала забота о
презартной маре,
ри. Онъ рѣшился
сдѣлаться домашнимъ
учителемъ.

Хотя Гренландскіе процессы были плохо приняты
публикой, все-таки эта неудача не отвлекла автора отъ
кампаней въ мирѣ и неразрывности друзей. Онъ оставилъ
университета и поселился съ своею матерью въ Готтэ,
по пресильному угнетенію сурового Богносерва. Онъ
не шло въ своей каморки и работалъ въ общественной
76, гдѣ учился его братъ и гдѣ вѣдъ себя мила и мила. 7)

Въ 1786 году черезъ своихъ друзей — онъ еще въ гимназіи
учился возбудилъ въ себѣ преданную любовь — онъ по-
лучилъ мѣсто домашнего учителя, а въ 1790 г. началъ сер-
вать небольшою частною школою въ Шварценбургѣ у Готтэ.
Только теперь онъ могъ по окресту познакомиться съ
отца съ евразной сорокою жизни; теперь развернувшись
его оригинальные способности, и онъ со суровою орденомъ
писательству. Съ 1794 г. онъ — онъ у своей матери. Съ 1796 г.
онъ началъ немного путешествовать. Въ Готтэ же 1796 г.,
когда Тѣре работала надъ „Германомъ и Дорогой“, въ Вей-
марѣ призналъ Манъ-Поля, котораго многие уже считали
владѣтелемъ звѣзды, способного захватить армію, но ко-
ловый блескъ сформировалъ веймарскій. Личное знаком-
ство съ веймарскими „богами“ не произвело особенно бла-
гопріятнаго впечатлѣнія на Манъ-Поля; расхваливая
матеру и тѣня Тѣре, онъ довольно добруго снѣредъ надъ
его важностью и холодносерво, телася превратился въ
скачку, тогда возбудилъ хотя нѣкоторое вниманіе вели-
каго художника, котораго, какъ Готтэ, съ одинаковыми
спокойствиемъ смотрѣть на гдѣль мира и на гдѣль воро-
бѣ; Шиллера на его взглядъ — натура слишкомъ угло-
вазя и холодная ^{съ} своей стороны и онъ произвелъ не без-
целовно пріятное впечатлѣніе на корреспондента Крюгера;

больше, чѣмъ другимъ, они понравилась Гердери, который
 нашла въ немъ виллафелскаго улемиса и подхвериде,
 не многихъ своихъ взглядовъ. Они познакомились съ
 Виландомъ, и жозъ нашла его очень интереснымъ именъ,
 но по крайней противоположности нѣ взглядовъ. (До,
 сраочно указавъ одну примѣру: Трекови, среди кохоры,
 ни какъ благоговѣль Виландъ, Манъ Понъ естивалъ
 модбни очень ограниченными). Путешествіе въ цѣломъ
 расширило умезвенный кругозоръ Манъ Понъ. Въ
 1797г. умерла сраушка мать его, кохорую они, «тайсви»,
 жельно, любили некриво, но о своемъ долѣ по отношенію
 къ кохорой они говорили и писали слишкомъ много (вообще
 въ характерѣ Манъ Понъ нельзя не видѣть нѣкохорой
 наклонности къ рисовкѣ и недооценка благородной про,
 срахи и черной гордахи, кохорыми нѣ удивлялись въ
 другимъ бѣднѣкамъ писателяхъ Германіи, и больше всего
 въ Лессингѣ). Въ разнѣ мѣ 1797г. Манъ Понъ переклаха
 въ Лейпцигъ, кохорый генеръ произвелъ на него гораздо
 лучше впечатлѣніе, чѣмъ пресиде, какъ какъ его приме,
 мамъ бездѣ съ похороны и сохувервилъ, и особенно ба,
 лобали его меншицы; кохоры они снова пѣдиль въ Вей,
 маръ въ 1798г., въ Берлинъ въ 1799г. и къ другимъ малъ,
 кимъ дворами Германіи въ Шейнмгенъ (1801), въ Ко,
 буръ (1802); охъ одного изъ нилъ получить зигуль совта,
 мика посолсхва. Въ 1800г. они посли довалъно много
 модовныхъ пезоринъ они нашла себя подхадануру нева,
 еру въ Берлинъ и меншед; похуракехвовави аде нѣко.
 жорас вриды — въ Шейнмгенъ (1801), въ Кобуръ (1802) — они
 въ 1804г. поселилел скончательсно въ Байрейтѣ, покупая
 въ 1808г. пенсію сперва охъ князѣ-прикаса Далсберга, а

поэтом (с 1813г.) отъ короля Баварскаго. Здѣсь, обозначенъ, поэтъ какъ разъ пенсией въ 1,000 гульденовъ, прожить отъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ походовъ въ Гейделъ, Бернъ, Мюнхенъ, Берлинъ и Дрезденъ, около двадцати лѣтъ, и подъ конецъ жизни потерялъ зрѣніе. Онъ умеръ въ 1825г., велики уваснаеміи, какъ одинъ изъ самыхъ симпатичнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ писателей своего времени, тн. X

Литературная деятельность Манъ-Поля Рихтера грезды, гайно обширна. Онъ выступилъ еще въ періодъ сурдоты, съба (въ 1783г.) съобщилъ Тренландскому процессамъ ("Fröh-
ländische Prozesse") какъ сатирическ. Заглавн., прелюдической горской бодности, цѣлѣсь деевъ мотъ прорадожала отъ, по его выразенію, на, укрепенной фабрикѣ сатури — и резульзатомъ эрой работы ботн, "Anweisung zum Glückseligen Regiment" ("Извлеченія изъ записокъ дѣвола" 1789г.).¹⁾ Но и эта книга не принесла автору ожидаемыхъ выгодъ. Своими, "Schulmeisterlein Witz" (тн, "Lachen hat Kräfte")²⁾ онъ выступилъ въ 1790г. на поле идиалин. Здѣсь въ первый разъ авторъ изобразилъ своего содѣлвенную жизнь и личность, теперь развернулось его оригинальное спосодѣ. Въ 1793г. Манъ-Полъ издалъ, "Die unsichtbare Loge" ("Невидимую Логу")³⁾ педагогическій романъ, сдѣлавшій автора извѣстнымъ всей Германіи и принесшій ему порядочное вознагражденіе. Заглавн. онъ написалъ, "Teufels" ("Теснеруей") въ 1795г. Это его пер. все романы; оба эти произведенія напоминаютъ по за-
даты, "Магона" Виланда и "Вилгельма Мейстеръ" Гете: они тоже представляють родъ биографіи и нехорн разви-
зій челоука; основная тема обоихъ — эволюціоненіе юно.

1) Здѣсь образцами эту случились Свифтъ, Гиттель и Мисковъ.

тесного идеализма с печального действительности;
но оригинальность и поразитель в них не столько со-
держания, сколько манера изложения, о которой можно
дать понятие только вникнув в глубокую и сочувствен-
ный анализ самой тонкой движений души человека,
скажи, не великой души, удивляющей нас своими высо-
кими замыслами или промерзевшими сраданиями,
а души обыкновенного, среднего, только очень выразитель-
ного человека. Вот содержание, Невидимой Лодки: Романы Фрэнксенберга

Чтобы ознакомиться с ней, м. г. г., с манерой Жюль-
Толля, приведу начало этой главы (или, как она называ-
ется, офорта), Невидимой Лодки.

Зарисованный фронт-Книжка, сраженный шахматной
игрой, со слезами в глазах своего друга единственного Эрнеста
му замучить не иначе, ~~как~~ как за того, кто посылает мно-
гие партии подвиги невесты на шахматной доске.
Эрнестина играет очень хорошо, и досадное количе-
ство матов были записаны образцы вырванного
с безразличия. Наконец покаяние фронт-Книжка.
Кемберга, игрок очень посредственный, победил Эрне-
стину, потому что она сама захоула этого и приобрела
их Кирроски, заставив конку в последней романтической
партии сбить шахмат в во время, как раз
мнегда сдвинула шах. Сильный, нищий мальчик, который однажды для твоей любви.

Для того, чтобы пред-
охранить своего са-
на, Тудева, от из-
бращенных понятий
о жизни, воспыр-
ваешь его до смерти
мать в подделанном
своего замка. Все
нирадел геркулесу
на показываешь
маленькую дневную
сторона и приговариваешь
его к ясли, то от
донести скоро учерк
в динь день ему го-
ворить, то от учерк
затянул, выводя на
своя и мальчик на
шах, то от на-
кады. Пошлишь сел,
цели от наставле-
даря велики радости
ли жизни, сначала
наладить друга в
надежд в се-
ри чужбинной
милости. Тогда
за вырванные во-
низания грот бе-
резей займий
созор, называно,
ийий, Невид. Лодки.

Третий сектор или вырзка. Битонетный кодору, ота восторга не по-

Подземная педагогид. - Наилучший геркулес и худель.

Теперь под незорий идея вперед. Движение крокету,
дизь в Лузидаль, или, зомные сказать, в Фрэнксенберго,
больше нагорноль замка, который летит в разрозный
несколько акров оттуда. Первый ребенок шах,

У По 3-му изд. Фререра Вел. 1860 (Jean Paul's sämtliche Werke I Bd) досугах и
ср. 56. - как и охарактеризованы, потому
то у романа есть поэзия.

мажорной амазонки и умирающего гладиатора и розлишера
 отъ тамакарь бвиль Тучавъ, не знаменитой шведскій герой,
 а мой собратъ. Привозеваю зедь, маленкій красавецъ,
 на сцену зтой зряннкой бумага и зтой зряннкой
 синзи! Я напередъ знато вео звое судоу, и вору отлого
 лемъ закъ зроезъ малодной гоноеъ звоекъ перваки
 ликузъ. Я предвизну звон слози въ продолженіе сройъ,
 кидъ мору звоей синзи, и вору посылу мнъ закъ малко
 звоекъ глазу генеръ, когда они еще сучей, закъ каюъ пока
 зы можешъ пенываваръ зюко зилестуко бовъ. Безъ улыбки
 приходизъ геловькъ въ миръ, и безъ улыбки отхадизъ отъ
 нъ него; зюко зри мимолетная ликузъ бввазъ оова
 вевель. Поэтому-зо, дорогой Тучавъ, я еъ предвизвиль
 матереніемъ взалеъ за свиткій май звоей коноеки (иуъ
 козорой кое-какой кусочекъ ландшарра я озмелазато
 на зтой неслезной промокательной бумага) въ зворъ ра,
 досуднкій мнелюъ года, чтоби оздаркъ зворнесзвудю зюда,
 когда ему оздаркъ вей природа, чтоби въ зы дни, когъ,
 да вейкое дыханіе ееръ мвоніе шельзюнкъ, вейкій
 шавъ длиннкій на чедере дюйма и вьки не закъ оуе,
 каюезъ на глаза, мой эластичная грудь бвила полна
 воздуха и крови и мой рука лезала по бумага. Въ
 слезно, отъ з.го май и вилоръ зо 27 (долше я не буду объ
 зтомъ шваръ) згойиъ прекрасная погода; козюму что
 я до извезной степени всновидящій въ метеорологіи,
 и мой короткая нога и длинное лицо - лучшее средство
 узнавартъ сароекъ воздуха въ зтой сфранъ.

Такъ какъ воспитаніе гораздо менше можешъ измѣнъ,
 ниръ внуреннаго геловька (и гораздо бльше реформировартъ
 внкшнмаго), зтль обыкновенно бумагоуъ губернёръ, то

наст. долженъ удивить образный случай из Тухаваль: бед его шипы дерзала зовъ его надзѣмного, вѣрнѣе сказавъ, надзѣмного восприимца.

Полное заглавіе второго романа — „Lesperuce или 45 Hundsposttage“ („Тесперуец или 45 дней собачьей пошты“ (1795); „оцѣвѣдившимъ гиразеламъ отъ должины слухишь вечерней звѣздой, а разцвѣтающимъ — цвѣтней“; извѣстна о дѣлывующихъ лицахъ приносилъ ему — собака. Герой романа Викторъ, какъ говорить самъ авторъ, есть болѣе зрѣлой Тухавъ. Онъ зовсе попадаеть ко двору и напразно, но шипы замъ своего идеала; позови отъ находилъ его въ Клодильдѣ и доеринаеть снаерца, поборова вѣсч предъсудія. Иначе, содержаніе романа „Тесперу или собачья пошта“ ^{закоче основано на борьбѣ идеала въ геловѣссеконнѣ ерпнѣе се шипы.}

Оба эти первые романа Мавъ Понъ, какъ уже сказано, въключаетъ биограріи и негоріи развѣдъ, т.е. восприимчивости романами, догъ гонимые идеалы сраживалъс бравидно съ дѣлывующею. Большимъ, събо публики пришло отъ ниль въ восприимце, зоръ полное озризаніе формы и цѣлостности не могло не произвеси дурного вначальнѣ на людей, въчет кожорнѣ биль восприимца на классику лозиналь и нежимиль.

Болѣе законченную идиллію школьного учива дала „Мизра Квинта Фрикселейма“ („Lavin aus Quintus Friklein“), которую Мавъ Понъ вышерилъ въ связѣ въ 1796., между зова какъ „Цвѣзди, плоды и зернѣ или сыру, теская мизра, смеркъ и бракъ адвоката Бадмилъ Зиден, кеза“ („Lümmel - „Feind - „und „Donnerstag“, отъ Hofmann, Das „und „Geist aus Antoni - „Alexander „Liebenkäs“ (1796-1797), или просо на просо „Liebenkäs“; разказываеть судьбу „У, Небидиная лозина“ и „Тесперуец“.

одной из форм загадочности природы, о которой говорит, ея уже в его первых романах. Странное заглавие объясняется содержанием: Зибенкезе, женившийся по любви, но позже разлюбивший свою жену, убедившись, что она любит другого и желая освободить ее от себя, призывом умирает; позднее под другим именем отъезжает начать новую жизнь и испытывает новую любовь. В внешней форме оригинальна по замыслу и глубине по исполнению размышления Зибенкезе на его собственной могиле и изменение в характере его вдовы, которая после его смерти полюбила его. Но мотивы двойственны, как обыкновенно у Манн-Поля, внешне плохо и небрежно. В романе „Зибенкезе“ есть осколки, кото-веносебя выдумает задача, которую позже, приняв в наследство от Шекспира, передает первой половине прошлого (XIX) столетия — изображение „проблематичной, екой природы“, человека, который, при многих задачах, как на ехасе, не умеет дозировать его ни себе, ни другим; Жан-Поль Манн-Поль запрашивает судьбы в ритму мелочной борьбы с жизнью, в которой они вовсе не способны; умирает от фривольной ограниченности, они не в состоянии освободиться от нее и мучить себя, тем в бездельных насильниках над ней и безплодной мечтательности.

В „Зибенкезе“ за преобладающим кардиналом семейной жизни бедного адвоката, весьма переносившего свою бедность и свою жену Линку, доходящую до невозможности в своей жизни содержание в тесноте маленькое хозяйство — складую невозможной сцене, изображающей как Зибенкезе влюбляется в англичанку Казалию, которая призывает, что

съ нимъ случился ударъ и это она умерь; какъ зарыли хороняръ пучою гроба, и Зибенкега женился на Назалии, и спускаеть себя благородными челоукоукоу, поэтому это дала возможность Лизе въ видти за своего друга, давно уюати, вавшало за него." Въ томъ же 1792. вышело его, Jubelgesang ("Юбилейск.").

Это произведение Мауи-Поли въ высшей степени судъ, ехдубни, это замкнато озрамаеся въ характерата его геро, евъ: они часго сурдають оузою, что, какъ издалованныи днзи, выказываютъ елишкомъ болшиую фредобавленность по оуношеню къ судбѣ и моддлю. Но зато ни имен, въ новее романы еще болше прославили имя писателя. Все мыслящее и публиковавшееся въ Германии славило его, и даие Гердери, хвала великаго поиморера, сказали, что въ немъ живуть все три евадье волхва и звезда идетъ всегда надъ его головой? Тонко Тече и Шиллеръ, герона, мес къ нему Коллонтел, поэтому что не могли покинуть, съ съ безпорядочностью его формы.

Въ 1798 г. они написали, Ueber den Geist, одно изъ тн Ueber die Kunst der Seele ("Какъ намъ оудь доука", или о безднелзюи души) — это — одно изъ его ^{наилучшайше} прекраснѣйшнхъ сочиненій. Оно содеринитъ рядъ прекраснѣйшнхъ описаній природы и ея, ине возвышеннее взгляды о продолженни существованнй души по емерзи.

Какъ уже сказано, пучешестве разширило кругозоръ поэта и подѣ видннелъ получешихъ внеразличнхъ ови задумалъ романы, въ которонъ еслалъ выйзи изъ узкой сферы буржуазной жизни и изобразилъ свой идеаль чело, вѣтка; это его главный фредъ Мизантъ (1800-3). Своей высшей точки Мауи-Поли доезилъ какъ разъ въ Мизантъ и въ Fedeljahn ("Возраеъ малоези, 1804-1805). Мизантъ

1) Какъ это пододное возрнелася у Мѣа Шодерого въ его псееи "Шивой уруни".

История немецкой литературы XVIII века и начала XIX стол.

совершенно сжатыми. Любимо жеменуе на ней, маслюдуче своему оузу и думаете чезувиме и мудрымъ правительемъ.

"Титан" снова беретъ задачу первыхъ двухъ романовъ въ болые широкомъ планѣ; онъ заключаетъ историко-развѣдъ одного немецкаго принца, котораго выростаетъ не зная о своемъ происхожденіи, а въ заключеніе везунаетъ на престолю; мы должны предсавить его себѣ образованнымъ, челоуечнымъ, богаю и прекрасно одареннымъ, чистымъ и дугадельнымъ государемъ, сурманъ котораго будуче сжатиа подь его правленіемъ. Герой — здравый челоуекъ; вокруга него болыне поидатокъ: Эвирная, одухозворенная Мана, его первая любовь; Эсзравалануэная Гизанида Мунда, его взорадъ любовь; Гизаникскій развразникъ Вокайровъ, его другъ и соперникъ; гениальный томориецъ Шотте, котораго руководилъ отнаери его военизаніемъ и кончилъ еума, мезувіемъ. Книга, — говоритъ Шереръ — собезвемно должна бы называлася "Анти-Титан": она направлена прозиви идеаловъ періода бурныхъ сурраментіи, прозиви Гизанизма и "Кратк. деніалитат", прозиви санзичивензальности и прозиви спасато, шалосей оуъ мира и вразидебнаго миру томора. Но Манеъ Понъ не доерилъ своимъ цамей; болыне изобразилеи вирчу, озмо, коудъ и превулмисно; здоровый не правдоподобенъ. Подьъ Гизезно сжарателъ уири оуъ своего собезвемнаго мира. Онъ Гизезно сжремилея къ сереззному идеальному роману оуъ козничкии декорациями, какія отъ поидизаетъ въ "Шти-Гане". "Это облаерно била голландская живописат Герой" его муръ Любано; природной кидъ дозметъ предсавлять муръ себѣ идеаль правезвемно здорового челоуека, которому даме вее неслезидъ и испыванідъ (погера, любимой дивушки).

измыва друга) должны, какъ Вильгельму Майеру, при
исеи побѣду и зрѣлость и коровый, подобно французу, носить
весьма поносную ширь лирическихъ скалыванъ, находить
успокоение въ двѣдательности на побѣду другаго, между
тѣмъ какъ окружающіе его люди съ закинутой шапкой
интересными замѣтками, но безъ его силы и глубины тѣмъ
или другимъ образомъ. Разница между ними и французомъ
въ томъ, что французъ самъ себя создаетъ такую двѣдательность,
а Любано побуждается презрѣть, коровый ему подсоса,
важна судьба, какъ что, какъ давно уже замѣтила крапивка,
если „Мизантъ“ Маннъ Пондъ предлагаетъ кому нравствен-
ное лекарство, то развѣ однимъ государствомъ, просвѣтитъ же
смертвенныя очи предохраняетъ только разное виды самоуби-
чтостей. Но главный недостатокъ „Мизантъ“ не въ зрѣньи,
а въ томъ, что въ немъ много много изъ роуновъ того
вѣка, производящихъ одну положительную ха-
рактеры многими отрицательными: „здоровый“ Любано
вышелъ мерзвотою мучкой, и „болѣной“ вырожденный
лицъ — символы моды, но крайней мѣрѣ наэтомъ,
насколько бывали символы характеры, набросанные безъ
порядочной фантазіи Маннъ Пондъ. Но такъ или иначе,
въ „Мизантъ“ авторъ собралъ всего глубину своей культуры,
ней жизни и разсказалъ исторію своего развѣда.

Область Маннъ Пондъ была голландская провинція,
которую именовали саксонской Картина изъ своей родины,
и она вернулась къ ней въ „Тодаль воспоминаній“ („Fledel-
jante“ — Возрастъ шайлоуей, 1804-1805), тогда предпринялъ
свое мучение, дождя неоконченное произведение. Трудъ съ
увлекательными исторіями, излагая производящихъ
между идеальными юности и зрѣлыми и прозою

двойственностью. Ближнеци Вальфа и Фрелера (Вист), о ко-
торыхъ отъ разсказывающъ, оживъ условной, неловкий,
заостроумный, редански метаморфический и непрактичный,
другой — ловкий, смелый, смелый, сурреалистический и на-
смелый, происходятъ изъ его совершенной души и
предсказываютъ двѣ стороны его поэтического и человече-
скаго характера, но все-таки охвачены духомъ него ясное
и проведеное съ большимъ образностью, чѣмъ какое-либо
изъ многихъ присутствъ лицъ, рожденныхъ въ немъ
самими.

Кромѣ названныхъ романовъ Манъ Поля написана между прочимъ
еще: „Die Freiheit des Willens“ („Книжка свободы“, 1805), „Die Kunst
zu leben“ („Мирная проповѣдь, или проповѣдь
о мирѣ въ Германіи, 1808), „Die Kunst zu leben
in der Fremde“ („Сумерки для Германіи“, 1809), „Dr. Katzenbergers
Reise“ („Поездка Д-ра Катценбергера на востокъ“, 1809), „Die
Fabeln“ („Мизантропъ Фрелера, 1811“) и „Der Kommet, oder
Marggraff“ („Комета, или Николай Маргрграфъ“, 1810-22)...

Изъ послѣднихъ романовъ Манъ Поля Риллера больше
другихъ читатель узнаетъ „Комета или Николай Маргрграфъ“.
Герой романа немецкій докторъ-Кидоръ, который, будучи
антисемитомъ, едучи въ путь въ своемъ идоле, что
отъ князя. „Комета“ оканчивается послѣднимъ рѣдъ разска-
зовъ Манъ Поля, которые по большей части комическаго
рода и въ высшей степени реально и забавно изобража-
ють удивительныя кудачи, какъ полковникъ палатинъ Шмелль,
целъ, школьный учитель Фрелера, Д-ръ Катценбергера, хи-
мичъ Николай Маргрграфъ. Все эти люди живутъ въ
заблужденіи и или владѣющъ какою-нибудь *idée fixe*:
урчливый Шмелль вѣруетъ повѣду въобразимыхъ

3. „Reise des Feldpredigers Schmelze nach Flitz“ — Поездка поско-
вого проповѣдника Шмелля въ Фрелера).

опаснаеся; Фрибелъ думаетъ, что соображеніемъ азбуки совершилъ великое умезвенное дѣло; докторъ Каценъ, Бергеръ направляетъ все свои силы на изученіе уродовъ; Николай Маршрафъ, родъ Доны Кингоза, богатырскій, видъ челоукоуея, если изобрететъ некое дѣла въ Бриллиантѣ. Кошеза какъ разъ негорій сумасшедшаго анжесаря? Герои послѣдствіи нескъ Мавы Поля почти все сумасшедшіе, и въ изображеніи разнообразныхъ видовъ челоукоуеяго безумія позръ погзати продвѣ, ея замѣчательную комическую силу.

Мавы Поля обладалъ большой комической силой — говорить и Ф. Шереръ —. Запасъ поэтического созерцанія также былъ у него чрезвычайно богатъ. Онъ какъ сауринъ или идилликъ размахиваетъ эти условия, въ которыхъ ему худо или хорошо живется, во всякъ подробностей, что бы ни обсервило его зрѣніе — ненависть или любовь. У него готовы прекраснѣйшіе матеріалы для широкаго и походяго живого разсказа, исполненнаго маленькими движеніемъ и дѣйствіемъ; но онъ рѣдко приводитъ его надлежательны образы въ дѣло. Это Сцерковская безформенность, его Языкъ, обремененный чужою, издавна воздвигши мезарорами, вводными фразами и мыслями, Языкъ, который болшею частью рѣшается въ негармоничныя періоды и никогда не осерегаея звукомъ и безвѣсн, связываетъ самые одаленные предметы и перескакиваетъ изъ одного крайняго на другое, съ самаго начала моталъ его имъ, рокому видѣнію и все болше уменьшалъ число его читателей. Но потому романтиковъ существованіемъ об. разовъ находилъ подъ его вліяніемъ; похвалъ его вѣнны.

1) который собираетъ облагораживать челоукоуея своимъ открытіемъ.

слово *Жакме* иногда переходили к *Битке* ювелира по,
Дэвиль, и наконец его *Взник*, или по крайней мере
 изысканный и в прозе крайне сжатый *Медальоны*
 переняли *Жакме* эти образцы, как *Сфинксы*
Вальсфранка *Фронт-Эммануэля* в *XIII* столетии. У *Вальсфранка*
 стилистический *картинный*, правда, всегда *случайно*
сфразирован *пластикой*, которая *смерзывает* *вечными* *сообра-*
жениями для *яркого* *изображения*. У *Мана Пюль* эти
 картины *выдаются* ради *самого* себя и гораздо *более*
обстоятельно *самого* *писателя*, *чем* *у* *предшественников*, *которые*
они *предсказывали*. *Только* *легче* *однако* *могла* *распростран-*
иться *эта* *манера*. *Давид* *Тюр* *при* *слухе* *представил*
ей, *хотя* *он* *чрезвычайно* *разборчивый* *вкусом*. У
Модвига *Бёрне* и у *Эурманшегов*, *которые* *образовались*
на *цель*, *блеск* *созрелый* *принадлежал* *к* *необхо-*
димым *условиям* *изложения*. Но и *все* *ориентальное*
направление *в* *позднее* *по* *своему* *сущности* *было* *продол-*
жением *матери* *Мана* *Пюль*, *только* *получившими*
силу *из* *новых* *перочников*.

Кроме *романов*, *(Мана* *Пюль* *написал* *еще* *ряд*) *всегда* *важное* *дело*
печатались *сочинений* *и* *эзелей*. *Около* *этого* *времени*, *его*, —
 когда *вышли* *"Friedrichs"* *(Тогда* *восставаний)*, и *вскоре*
после *этого* *они* *упреждали* *приобретенную* *или* *уже*
разрушенную *педагогическую* *опытность* *для* *двух* *науч-*
ных *трудов*: *"Pädagogische* *Prolegomena"* *(Vorstudien*
Lehrweise *"* 18042.) и *"Учение* *о* *восставании"* *(Levana* *über*
Erziehungswissenschaften, 18072.) и *затем* *они* *развили* *довольно*
широкую *публицистическую* *деятельность*. *Они* *принад-*
лежали *к* *последовавшим* *приверженцам* *фран-*
цузской *революции*, *бороня* *в* *1805* *г.* *за* *свободу* *печати*

У *Левана* *или* *учение* *о* *восставании*; *полное* *глубокое* *мысли*
и *вопреки* *запозданию*.

и скарался во время иноземного господства вышарь
 своему народу надежду и мужество. (Приложению Дави
 его „Книжечку свободы“, „Проводы о мире къ Германii“,
 „Ручерки для Германii“ и з. п.). Но и въ чуждихъ языкахъ,
 языкъ Шамъ Понъ законъ безпорядочности и законъ, если
 можно языкъ выразишь, французскаго. Очень остротливо
 оправдываеъ отъ злости своей недоохраны при взоры
 изданii „Невидимой Лозы“: изъясняеъ, говориъ отъ,
 языкъ и оураеъ неизъяснимы, что бышло изъ второй
 любви Куница и отпавшя Лизы; но, вспоминая, что
 вся эта жизнь безднъ предъавляеъ загадки, разгадки
 которыхъ по ту сторону могилы, что вся нехороша цело,
 высеъва сержъ большой, большой рохановъ безъ конца“.

Съ полкими одумствленiemъ суренился Шамъ Понъ
 всего жизни къ добродетели и нежить, но въ изложени
 и формъ мысли оушалаеъ поимамъ оураеъ языкъ.
 Недоохрана реализма до того вредитъ формѣ, что отъ
 этого сурраеъ и содержание. Мелане безъ оригиналь,
 ниль приимаетъ у него иногда въ высшей степени
 сурраеъ формѣ. Шамъ Понъ бывъ на 22 года моложе
 Гиттелъ и насротько зне богаче разнообразными интересами,
 насколько богаче и образованнее было самое время. Какъ
 Гиттелъ, отъ происходиль изъ школьного и насрорскаго
 дома: для ниль обилье биль обилье жоръ Толдемирровъ,
 скій элементъ, которыхъ оураеъ у Николаи, Гере, Фросса
 и вызываеъ къ идиллическому жору. Но въ до время какъ
 Гиттелъ, несмотря на судъэкзвивноеъ своего изложениа, въ
 сурраеъ оураеъ навбно ко биль, мизамъ и диланъ,
 которыхъ отъ изобрааеъ, Шамъ Понъ Риберъ всегда и
 безднъ оказываеъ самъинтересными позоры. Отъ сурри,

мизантропа, т.е. сразу же стремился к природе в своем
 отношении к пейзажу и природе. Она исключительна и к себе,
 к себе, и к природе, и к себе, т.е. заключает в себя
 все стороны самозамкнутой поэзии. Если Гюгенов были
 хорошими пруссаками, восхоргался Фридрихом Великим
 и Екатериной II, если он наладил опору в наводившем
 государстве, тогда в своем рассказе проехался про
 жизнь дворянского правления, как напр. Курляндское,
 до Манчестера утонул полемизировал в наемном-ливой
 сафире только прохити маленкиих князюшких государств
 и мелкиих городов, как будто в Германии не было ничего
 другого. Если Гюгенов предвещал наводрове, отъ которых
 происходили герои его „Ливонийца“, от них сновидения о
 бессознательном, но вверху их формы чрезвычайно поэтичны,
 и если в его наводрове доны заглядывался со ветви стороны
 озерной лиры, до Манчестера зарывался в идиллию,
 тогда забыл несовершенство жизни, и скорржи их на
 сновидениях утешением на всякий случай, козо
 рая отъ изобразилась. Если Гюгенов нежданно выцарапал
 исконное христіанское тенто тоги и озабилвер
 такне доодрочно лова для низшеуказанных губервианской
 следствия, но никогда не забывался мур-за ней неким,
 мало образа человеческого существованием, до Манчестера
 выцарапал в райской загробной жизни, тогда убавилась
 отъ грубой действительности, и играли с мавелами о
 смерти и бессмертии, тогда убавилась себя элегически
 наводрове и через это забыл о мире. Если Гюгенов
 знакомил нас только с ирландскими, законченными
 Ларакерами, как будто с модными до Вердеревского
 времени, до у Манчестера ли возвращались до загадочной

науры, который не бывает сам счастливи и не делалось
счастливыми, который ни вливается и дилемме в
математическую ограниченность, ни последовательно суре,
идея поднимается над него правительством зрелища, а
идея зрелища до в сатирической шутке, до в фран.
записки метаморфоз, пока они не освобождают
до в фокусом, бросают просую женщину и находят
в аристократической сфере занятые по духу, а в образ,
ванном и самодержавном женского мира идеала
женщины.

Во историко-литературном отношении важнее не
солько сам вид произведения Мамв. Поня, сколько до удоволь.
судя, с которыми они принимались издателем публикой
в до в годах XVIII столетия. Кончалось царство холодного
разума, и безумия в права свои сердце и фантазия, на
первое время по закону реакции обманчивой зрелища низ,
вероятно с зрелища разума. Славу Мамв. Поня сохранили
истинные, но зой же реакции похребавший себя, после
жонсов революция и наполеоновская война, права
на безудельное господство в обществе; близилось время
2-ми Стал, а короли и баронесса Кривошея. Наконец,
близилось какое время, когда многое, признаваемое столетием
столетия великим и смелым, оказывалось бездельным
и ничтожным и когда наоборот, в ничтожном
проявлялась великая сила. Столько слезы и грехи
после сына, иначе сказать, самодержавной юности
— лучшее выражение какой идеи времени. Как уже
сказано, все это: и ученые трагедии, и невозможные ро,
мане, и превосходный идиом написать невозможных
изосков, миссали образы и блестящих, но большего

частью переполненными непонятными метафорами, сравнениями, запутанными размышлениями и цитатами.

Въ курсахъ исторіи литературы многие между классическими и романтическими периодами посредствующий периодъ самуилленализма, наиболее яркими представителями котораго въ Англии долгиемъ образомъ Свифтъ, во Франціи — Руссо и Бернардзинъ де-Сенъ-Пьеръ (Bernardin de St. Pierre, 1737-1814), въ Россіи Карамзинъ, и въ Герма-
 нии Клоппштокъ и Мавъ-Поль Губеръ. Но едва ли при-
 знаемъ особаго периода самуилленализма, а только — какъ Киршичшиковъ выражается — „самуилленальное видѣніе“, которое выражается во многихъ частностяхъ и въ развитіи формаль въ весь переходный эпохи; оно замечается и въ Мавъ-Поль, но не можетъ исчерпывать его историко-литературнаго значенія. Оно отличается многою общаго съ классическимъ периодомъ немецкой литературы, что резко отличается отъ романтическихъ: оно вырывается въ прогрессе человеческаго, въ идеаль жизни свободной, а вырывается отъ жизни и разумной. Но съ другой стороны чертой, отличающей его отъ романтическихъ — презрѣніе къ формѣ, ко всему условленному, ко всему обычаю и разсудкомъ, болѣе значительное развитіе французамъ, выражаетъ копарсея въ безсознательности движеній души, — замечательна еще разныя при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Тже и Шиллеръ, какъ и весь немецкий поэты, и много дало съ выраженьемъ и съ борбю за осуществленіе идеала. Мавъ-Поль, какъ и романтически, замѣръ впечатлительнымъ, созерцательнымъ и консулативнымъ, нѣдѣвъ невозможности прикинуть идеаль съ действительнаго мира жизни. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ своихъ характеристикахъ чертахъ: въ стремленіи отыскивать хороша въ формѣ

люди, козорных обычаев обыкновенно клеймилъ своимъ презрѣніемъ, въ умѣнствѣ находилъ драгоцѣнности въ павозѣ, въ заширѣ уменьшенныхъ и оскорбленныхъ Манъ Пюль идею дальше романтрикови и подаеъ руку великаго гуманиста XIX столѣтія: Диккенсу, Того и Дюроувскому.

Съ Дюроувскимъ Манъ Пюль представляеъ весьма любопытное сходство, взгляди самъ по себѣ, безъ отношенія къ своему времени: у обоихъ та-же болтовня, та-же кава наблюдательное болтовневидіе, проявленіе чело-вѣческаго духа и чувства, та-же поразительная изобрѣтательность и та-же скачки фразій, та-же крайняя субъективность, та-же родное соединеніе реализма въ мислѣхъ и полное презрѣніе къ второподобию въ обществѣ, та-же легкое перепада образа въ оублекенную мисль и мисль въ образъ. Но Дюроувскій просииваеъ въ Россіи долгие, члнвъ Манъ-Пюль Ридзеръ въ Германіи: они проше и взлнчивае, глудше захвазываетъ низше, и его форма все-же совершеннѣе и законченнѣе, члнвъ у Ш. П. Ридзера.

Уже слѣдующее поколѣніе советнвъ забвло кендра, маамаго Манъ-Пюль и теперь его ннко не выаеъ, и полбуеъ злнвъ, даме его соореаеуветнннскн германоръ у сзрамаго, но даровнчаго мнсамаго много свозлнвъ мнслей, разработывая ннвъ въ своинъ произведенннхъ со-образно требованннмъ вкуса. Въ Россіи Манъ Пюль вре-меннмо получилъ извѣстность въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ „Современнннхъ“ за 1839 годъ (т. XIV) поднвлнаеъ о немъ срабнъ барона В. В. Корфа, авторъ когорой срабнъ Манъ-Пюль, но непосред-ственному воспрннмнннн и возеозданнн природы, рѣдннн.

с Шекспира и выше Тэя, Байрона и Пушкина. На русском языке издавна в 1844 г. в Петербурге, "Апо-логий" из Манн-Поля Рилзера; на нее в "Современнике" (1844 г., кн. 2) явилась хвалебная рецензия, автором которой суждено Манн-Полю вторичным инокаревым прозвучать, елизна, безбожия и разочарования. Но по поводу этой же Антрологии Вильямский высказывает более справедливое мнение: он сужает Манн-Поля Рилзера болонским, зато уродливым развившимся галактиком, именно великим, сие это уродливые недоросли до великого писателя (З. [X], стр. 140). Биография и оценка Манн-Поля помещена в "Свѣтог", 1862. (№ 3).

В поэзии поэтов надо все-таки признаться, что Манн-Полю глубокими чертами вписаны свое имя в историю немецкой прозы и вообще немецкого эпоса. Манн-Полю маня, что ему не удалось окружить свои великие творения в законченном чудотворном произведении. Но зато было вообще в романовом зоро времени. В эпоху больше покаявшегося болонским замкнутой, коррозией и болонским березилливым в своем лице и средстве повелю. Полное собрание его сочинений состоит из 60 томов. +

Йоханн Зейме (Joh. Gottfr. Zeime), родился в Позере, 1763-1810. (Волна) у Вейсенфельса в 1763 г., учился в Лейпциге богословия, на путешествии в Париж захваченный гессенскими вербовщиками и увезенный в Америку, где он должен был прожить американцем. После возвращения он уведомил о гессенских, были же захвачены прусскими вербовщиками, как рядовой отправлен в Вилден, но вскоре по указанию одного бюргера освобожден; поэт он был литературно занятым

У М. Поля нашлись многочисленные поэтические - поклонники и энтузиасты, также многочисленные подражатели, между которых свѣтъ и ан-дрей фон Бендль Иоганн из Майнца (1767-1840), автор "Писем писателя" ("Pfeile des Dichters") и романа "Das goldene Rind" (Золотой теленок) получили заслуженные

в Лейпциге, (1792 г. были онъ губерніекомъ, а позже
 секретаремъ у русскаго генерала Шеллштрёна, съ 1793 г.
 поручикомъ, бѣжалъ въ нѣмцы въ польской революціи,
 войска, потомъ онъ въ Лейпциге, въ 1801 г. пред-
 кривалъ онъ пущесъзвѣе историкомъ въ (Сиракузы)^{Сиракузы},
 въ 1805 пущесъзвѣе вѣрой разъ по Россіи и Швеціи,
 учеръ въ Мемлинъ въ 1810 г. — Зейне писалъ сѣло,
 зборенія и пущесъзвѣе очерки, вышешные горашею подобво
 нъ оженсезу. Его Прогукъ въ Сиракузы (Erzählung
 aus Syrakus, 1802), Модъ зинувъ (Клани Бошима 1806),
Анокриорки — полны искренности и поэзи. Онъ на,
 писалъ и драму Miltiades (Милециадъ, 1808).

1759 — 1831. Августь Ларфонте (Aug. Lafontaine), родилъ въ Браун-
 швейгъ въ 1759 г. (по др. 1756 или 1758), проеходя изъ
 ешенсеза французскаго эмигранца, бѣжавшаго въ Германію
 послѣ оженныя нѣмецкаго эдмеха; съ 1789 — 1801 гг.
 Авт. Ларфонте былъ полковникъ свѣщенникомъ, по-
 томъ онъ зинувъ бѣжалъ долинсезу въ Талле и учеръ
 въ 1831 г. Дрозъ профессоръ богословія и полковой свѣ-
 щенникъ, проповѣдывавшій прозивъ французовъ въ по-
 лодѣ 1792 года, написалъ болше 150 романовъ, болшею
 частю изъ семейной и мѣщанской жизни; лица вѣнны
 вторны гнѣрвыжельности, характеры хорошо очеркены,
 происшесъзвѣе довольно занимательны, но изминдѣ
 сантиментальное, преувеличательныя добродѣтели героев,
 безконечныя, неизъерестныя описанія и разговоры, все
 это дѣлаеъ его романы скучными, монотонными,
 и зенеръ нѣтъ уже ниско не изаеъ; но въ эту эпоху
 чрезвычайно много изаеъ нѣтъ. Ларфонте какъ разъ
главнѣйшій предсѣзавитель писателей семейныхъ романовъ.
Klara du Fleiss und Clairant. — Romulus. — Fedor und Marie.

„Quintus Flemyer von Fleming“ — нарцески проехо
 „Baron von Fleming“ (1806) — издаво во Берлин во
 1795-96 22. „Familienaffichten“ — „Новая семейственна
 Картина“, „Последица семейственна картина“ — (Berl.
 1797-1804), во 70-и число, „Familie von Halden“ и др.
 Лучши изъ романовъ Ласкунгена — „Музыкъ Суднаго
сельскаго проповѣдника“. Ласкунгенъ пользовался во
 Россіи особымъ извѣстностію во первой четверти прошлаго
 столѣтія, и все лучшее романсы его переведены по-
 русски.

Ме меншею извѣстностію пользовался и Августъ 1767-1819.
Котцебу (Aug. Friedr. Ferdinand von Kotzebue), с которымъ
 мы некогда по-иногда и раньше, родился во 1761 г.,
 во Веймарѣ, учился во Лейпц. (на юридическомъ факультетѣ,
 ферт) и очень рано сдѣлалъ театръ преимущественно для
 театра, еще семнадцатилѣтнимъ студентомъ, основавшии
 театръ любителей, отъ писалъ драмы и комедіи. Въ 1781 г.
 отъ былъ секретаремъ генералъ-губернатора Бавра (von Baur)
 во Петербургѣ, во 1785 г. — президентомъ магистрата во
 Ревель и вѣстель во Остравѣ во 1792 г., зинъ позовъ
 во Веймарѣ самовольно про сѣбѣ. Въ 1797 г. получилъ мѣсто
 директора театра во Вѣннѣ, но оставилъ его во 1799 г. Въ
 1801 г. отъ поѣхалъ во Россію, но на границѣ Голъ по
 подозрѣнію арестованъ и немедленно отправленъ во
 Сибирь; но во 70-и ^{или 80-и} году ^{или 80-и} Кабель убедился въ его не-
 винности, возвратилъ его, наградивъ ильціемъ и едн.
 лавъ его директоромъ придворнаго нѣмецкаго театра.
 После смерти Кабеля Котцебу поѣхалъ опять во Веймаръ,
 а во 1802 г. перешелъ оуду во Берлинъ и сдѣлалъ изда-
 вать журналъ; посли 1804 г. отъ сдѣлался врагомъ
 1) „Loben nicht allein Lindbergs“.

Каноникона и воевала съ нимъ въ разнѣхъ свѣтѣхъ издавна до самаго его паденія. Въ 1813 г. онъ былъ русскимъ генералъ-фельдмаршаломъ въ Кенигсбергѣ, а въ 1817 г. жилъ онъ въ Веймарѣ, позовъ въ Мангеймъ и посылалъ императору Александру докладъ о ходѣ полемической литературы. Онъ былъ однимъ изъ предсавителей консервативной реакціи въ Германіи, за что и былъ убитъ судействомъ Гаудомъ въ 1819 г.

Позднѣе на службу Фосси, Коцебу получилъ здѣсь дворянское дозволеніе и написалъ лучшій своего драмы, Немалева въ модѣхъ и расквѣтѣ (Mauffray und Rind). Комедіи его, какъ „Die beiden Kleinsberg“ (Оба Клеинсберга), „Die deutschen Kleinstädter“ (Мужики маленскіи немеческіи городови), трагедіи „Die Hussiten vor Naumburg“ (Турецкии подѣ Краудбургомъ въ Корани), „Johanna von Montfalcon“ (Жоанна Монферокони) имѣли успѣхъ наравнѣ съ пьесами Шиллера и Тече, прозвѣвъ которыхъ зоръ дарованій, но провѣрливый авантюризмъ и угроговаль сакнѣхъ наравнѣ образамъ. Пьесовидецъ Коцебу прекрасно описована въ промисескомъ зеркелѣ, ежимин: ^{онъ сберно писано наравнѣ, какъ кансдѣр сабзи,} Es freuet mich mein thierlich Hündchen,
^{продеже мнѣ зоръ мѣрѣ,}
— Ich gebt mich dir, Tote,
^{и бѣеи сераи наравнѣ зоръ,}
Was nimmst du Geld an Faustweckheit,
^{како}
Wie Calderon ins Lore.

Однѣхъ театральнѣхъ пьесъ оу него ожалое 211, ^и кроиъ того онъ написалъ массу романовъ, повѣстей, снѣловъ, незорисескихъ пьескованій, сажаръ и пр. и пр. (всего - болше 40 томовъ). У него сѣзъ вѣтшии мѣра, журный талантъ и замѣчательное знаніе сценки; лучше всего удавалася ему комедіи, въ которыхъ за-то видне

всего заслугах его безпримечательность. В России на сцене Коцебу пользовался большими успехами. Ныко, Фюрер из его драматических пьес, напр., Независимость и модальность и раскладия — 1789 г. —, Своя любовь (1803), Туссизон подь Паульбургом (1806) — держалась на русской сцене до 40-х годов. Разнозная ее секретнымим по, русскимим между Пазербургом, Вьенно, Парижем и Берлином, Коцебу, по словам газет, являлся везде «поклонником деспотизма и осмывал патристическую суремленія своего народа». Сходя его русскимим штиномим, французский метарель Карль Зандь зако, лонь его во Мангеймь. Коцебу — одним изъ главъ пи, сарелей, козорые при жизни своей напомядотъ своему чиномим своего имени и метатарель омиръ во козоревъ, но забывающа немедленно и во пьорим литературы не играотъ никакой роли, какъ какъ слушать зомько предвдизелю вкусу современной или зомьки и не оставяютъ после себя ни одной оригинальной пьесы, ни одного художественного образа. X

Гейнрихъ Цмокке (Zschokke) изъ Магдебурга (1771—1848).

Шиллеровы, Разбойники вызвали первый драмы Цмокке, „Aballino“ („Абеллино“) и др. Воспоминанья Цмокке, оказавший много услугъ Швейцарии, какъ государственный человекъ и публицист, образовался въ народной литературе („Das Goldma, cherdorf“ — самое лучшее произведение, „Гинден тар Витюфт зин баронбауинг марбан Фридриханд инд фрейлихис Готта, Ангарфинг“ (1808—16) — повесть удачная и др.) и въ повести, гдѣ онъ озвучилъ чудные комическихъ рассказы, напр., Die Abenteuer eines Hainjägerknacht, „Ата, чана Гинг“ (1813 г.) по картинѣ съ французского подписно „La caverne sarrée“. Лучшие удачны его исторические романы

1) Драматическая эпопея (английская).

2) Талантливый и талантливый по произведению неумного христианина и доктринального богословия.

3) Словарная кружка.

въ романъ Валзоръ-Скоуда, напр. „Kino von Kyburg“ и много др. До сѣихъ поръ Цимомке принадлежалъ къ числу моднѣйшихъ разсказчиковъ нѣмецкихъ. Очень много речнаго его автобиографія: „Selbstbildnis“ (Самонаблюдение-Самозрѣние, вышло 2 тома, Аarau 1843). Полное собраніе его сочиненій состоитъ изъ 40 томовъ.

Романтизмъ, романтическая школа,
романтика.

Теперь на дальнихъ берегахъ на сцену эту индустриальную школу, подвиги и вѣдніе жадной было одушевленное великое предпринимательство Лодовика развилъ идеи (а стало быть, и гдѣ-то въперво Теге и Шмилера). Разумѣется ранній нѣмецкій романъ, жизнь.

Богатство и швейцарцы начали войну съ фран. кружками классицизма; Лессингъ и Гердеръ подобострастно доверились ей, напѣвая въ то же время новую эстетическую программу своимъ соотеч. естествоиспытателямъ и подывая имъ самосознаніе. Видъ, зели бурнаго періода сурреализма осуществилъ эту программу, а Теге и Шмилеръ осуществили ее въ своихъ произведеніяхъ. Но масса не могла довольств. сдобаваясь слегка напѣванной программой, и по-стодня не могла замѣнить строго определенной и обдуманно разработанной классической теории; а односторонній высоко художественный произведеній сдѣлако оне возбуждало духобавую жадность, сколько и уродливо ее.

Одна лишь масса массе по размерамъ, говорить директоры въ прологѣ Фрауера, а масса произ.

бедный, годной для естественного обихода, не могла
 явиться без теории или по крайней мере без некоего
 сколько-нибудь основного принципа, которые и выраба-
 тывались общими усилиями и в то же время направ-
 лялись его. Эти принципы выразили, это новое знамя
 выработали в утробности, без колебаний немецкие
 романтики на самой границе двух столетий. С
 другой стороны эти же романтики проводили извне
 политический идею, высказывали извне мировоззрение,
 которое ранее было обусловлено общими наклонностями
 и обуславливалось его: уже Лессинг, а затем и сами
 либеральные писатели, далеко не во веках ознакоми-
 тель сциентизировали просвещению XVIII века;
 Клоппель и его швейцарские и гёзтингенские по-
 клонники во многих пунктах или открыто
 провозгласили; во время юности Гёте, любовь к
 немецкой сардинии охраняла многие умы. Они населяли
 германские леса бардами и друидами, мечтали о
 готических краях и рваных средние века
 и тысячелетнего века. Гётер охранял самый ми-
 рокруга и германского, отыскал поэзии во веках
 веда, во веках литературы, у веда парадокс;
 классическая древность не охраняла, но она руково-
 дила усилия не исключительно. Гётер и юный
 Гёте искали истины советами в другом месте; ранее
 авторы "Разбойников", Шиллер, низвергая грани на
 возмущительной социальной сцене, охранялся вояжа,
 шум и молчаливые писатели; впрочем, во веках,
 наклонности лучших людей Германии до начала 90-х
 годов было либеральное. Но крайности революции

оттолкнули отъ нея даже такого поклонника просвещения, какъ графъ Либфери (изальямскій императоръ, жившій съ 1749-1803), и тогда реакція про-
 фавъ послѣдствъ выводовъ философіи XVIII вѣка
 стала еще возмутительнѣе. Теге и Шмиллеръ во время
 своей общественной дѣятельности, преслѣдуя высшей
 задачи, оказались руководителями въ этомъ направленіи
 обществу; эту роль приняла на себя романзика.

Многочисленные послѣдователи Теге и Шмиллера
 принадлежатъ уже XIX столѣтію. Въ самомъ началѣ
 его они образовали такъ называемую, романтическую
 школу, такъ впрочемъ впрочемъ уже заимствовавшую
 предшественниковъ въ предшествующій періодъ, Шри-
 и маука. Девизомъ школы было слоганъ поэзіи
 въ жизни, но девизу этому слѣдовали не въ ро-
 манзике, вносимые въ жизнь далеко не сли-
 вались, а часто зуманные, даже лирические
 элементы. Но въ основаніе великаго звориса,
 какъ и великой науки, лежала философія, такъ впрочемъ
 носилъ Кантъ не заимств. универсальности, но больше
 практическія предшественники, какъ, напр., Фриде (1762-1849)
 и Шеллингъ (1775-1854).

Народы, которые стояли подъ знаменемъ Канта,
 она, искали утѣшенія въ созерцаніи большаго пре-
 краснаго и великаго прошлаго. Патристизмъ и сред-
 ній вѣкъ было одно время возмутительнѣе и возмод-
 ственной модой. Но при этомъ универсализмъ
 вовсе не исчезалъ, какъ было свободной религіоз-
 ный направленій не исчезали рядовъ съ усилив-
 шимся благосудіемъ. Кажется, духъ Тегера осво-

Бодина зрѣлъ Вилкель-мама, и традиціи низера, зурной революціи, козорая въ семидесять годовъ возсавали прозубъ провѣнціи, сами называрся земер романзиковъ. Вся ипохранная литература, но главнѣе образы старо-нѣмецкая и народная поэзія, оказалась видѣтельной силой, между зрѣль какъ громадная приоброжденія классической эпохи пошли на пользу дальнѣйшему росту. Вся наука, и не по, слѣдними зрѣ, козорая непосредственно двигала Тердери, дталали повѣд усилія, приоброждали повѣд зорки зрѣнія и готовилась къ новому мировому развизію. Но зрѣ, что еще соединялось въ Тердери, разо, илось земеръ въ разнѣе оземленія. Раздѣленіе зрѣда стало больше, оудѣльной направленія икъли больше предсавизелей; заимствованья были болѣе широкіе круги одиссѣва, и парзіи рѣзле выступили другъ прозубъ друга.

Мы видѣли, какъ Бодмеръ и Брейдинггеръ обратили впервые вниманіе италцевъ на илъ средневыковую сзари, ну; видѣли, какъ Тердери радикально измѣнили воззрѣнія передовыхъ людей Германіи на народную поэзію и на все прошлое человечества; знаемъ, какъ Гете въ Страсбургѣ увлекался готикой и рыцарезвѣтъ; знаемъ, какъ черезъ Мицгопа и Шекспира надозов, иллось въ Германіи расширеніе негорико-поэтическаго кругозора. Гете и Шиллеръ своими безмерными созданіями, сзарили, переводали попомали и зрѣлку зрѣлку; но расширилъ его и углубилъ, создалъ науку изъ ученія сзариновъ и народности и попомилъ начало сравнительной литературы были призваны романтики.

Многолюдная старшая и младшая романтическая, выходящая
этого безропотного и старинного и младшего романтического.

Г. Вирманн романтический. (1794-181322) X

Иногда выдвигаясь в немалом числе германского зарождения
романтической школы в Германии, выходящая
к неограниченному развитию и литературной деятельности
старинной и более видительной ее представителем.
Август-Вильгельм Шлегель, Фридрих Шлегель, Людвиг
Вильгельм Шлегель, Фридрих фон-Тарденбарн, извлекший
из литературы под именем Новалиса, Вагнероидер
Готфрид-Дитрих Траус и некоторые другие образуют
фактически круг так называемой старой роман-
тики. Все они люди приблизительно одного поколения
(старший из них Август Шлегель род. 1767г.,
младший - философ Шеллинг род. 1775г.); все
они родились в самый разгар деятельности Клопп-
шюка, Виланда, Винкельмана, Лессинга; были
дети своего времени бурного периода, начинали учиться,
когда общеизвестное немецкое занимали Гердер,
Тегер, Кант, Шмидт; закалились образом взгляда
и вкуса слагались в то время, когда Европа
была еще спокойна, а Германия жила главным образом
образом научными и литературными интересами.
В Берлине и Гетте они были друзьями с Фрише,
Шлейермахером и Шеллингом, и выдвинулись
несколько именно в то время, когда сближались
Шмидт и Тегер и когда подвигаясь, Вильгельм Шлегель,
старший. Они боролись против берлинского просвещения,
как и против легкой повествовательской литературы,
как Шмидт и Тегер в "Кесиде". Но в своей

восемнадцатому

оттоцизм XVIII-ому браку они зашли слишком далеко. Изъ съража за любилую естественноеъ они советами зерли подь ногами погову природы, уредо, балн, въ смысле Фриде, тогда худосеузенное про, изведение находило изъ судьекривного духа советами свободномы, стимали съ французии вьжкй естественной, унитомали вьтэ формы и стимивали позривескйя роды. Они высказали прекраснойшия попометия обь одьекривной приуикте и озвертали ихъ на днмь. Они громко возвыщали славу Тьре, но нападали на Виланда, укишали Лессинга и не придавали зна, чевий Шиллеру. Николаи, Коцебу и ихь друзья, представили простыженид и естественноеъ, не осазвали ихъ нападокъ безъ озвожа. Пасквили, рецензии, манифесты, сатурнесскйя драмы, въ которьхъ до изъезной сценань продолжался споръ „Ксемий“, выходили съ зой и съ другой стороны; но политическйя собоузия 1805 и 1806 года, порасиение Австрии и Пруссии, попометии Коцебу вьтмьхъ литературьивьхъ расирьивь; романтики, какъ и Фриде, снова образи, мисъ къ дьтйезивьезности и къ озесузенной днзнии, и оба Шлегеля собралисъ зенерь съ силами для болше крупнотьхъ литературьивьхъ зрудовь.

Учредивьли романтичесской школы и пред, сазивьли литературьивьхъ кружка, какь вьтмьхъ зра школа сначала высунила, подьвизтозедъ Брардъ Шле, гели. Они принадлежали къ есмьтэ изьзарии литер, зурной: ихь озецъ Боганвь. Адолфъ Шлегель (ум. 17932.) вьтмьхъ со сзаривьхъ Браровьхъ своихъ прикипалъ уга, озие въ спорть Богнера съ Тодиседовь, и оба они сродили

1767-1845.

на стороне национальной партии. Фоанисъ Дольбергъ Шлегель занималъ место соборника консистории, имѣлъ порядочный средству и могъ дать дѣтству хорошее образование. Старшимъ его сыномъ Августа-Вильгельмъ Шлегель (Schlegel) родился въ 1767 г. въ Танновертѣ. Отецъ его и дядя были поэтами и образцовыми людьми, а поэтому первоначальное воспитаніе молодого Шлегеля въ домѣ отца совершалось при самой благоприятной обстановкѣ для его будущаго развитія. Съ отрочества онъ увлекался съраецъ къ поэзіи; склонность писатъ стихи обнаружилъ онъ въ раннемъ дѣтствѣ; 17-ти лѣтъ отъ роду, на гимназическомъ актѣ онъ читалъ свою дидактическую поэму, тракующую объ исторіи нѣмецкой литературы. Въ 1786 г. онъ поступилъ въ Гёртингенскій университетъ съ цѣлью (по желанію отца) посвятить себя богословію, но вскоре перешелъ на филологическій факультетъ, оцѣнился со съраецъ филологин и скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Гейне; подъ его руководствомъ онъ изучалъ Гомера, и въ 1788 г. явилась въ печати его небольшая латинская диссертація защита по географіи Гомера. Кроме Гейне Августа Шлегель привлекалъ другой профессоръ — поэтъ Бюргеръ. Подъ руководствомъ Бюргера Шлегель упражнялся въ стихотворствѣ и развилъ въ себѣ замѣчательное искусство владѣть словомъ. По соб., съвѣстной инициативѣ, онъ во время своего студенчества занялся Дантономъ и приговорилъ о немъ до рошю саргю о немъ. Въ 1791 г. онъ оставилъ университетъ и отправился въ качествѣ домашняго учи,

зелья в Амстердаме, где он оставался до 1795 года; он там был посылать охотно и был принят в лучших домах города. Весною он вернулся в столицу с Шиллером, поместив в его музее, манускрипт своего трагедии о Данте и, по предложению Шиллера, несколько очень удачных баллад. Пробы на театре домамило учителя в Амстердаме 7-ми года, Август Шлегель переселился в Жену, ⁽¹⁷⁹⁶⁾ литературное общество которой славились года в Германии. В Жену он прочел ряд философских лекций, после чего получил звание профессора. В том же году он основал, вместе с своим братом, журнал "Атенеи" ¹ издававшийся главным образом по романтической школе, и вскоре перешел на Каролинку Михалев, вдова доктора Кёпера, литературной и даже политической деятельности, помогавшей ему еще в трагедии о Гоете. В 1802 г. Шлегель развелся с женою и переселился в Берлин, где прочел ряд лекций о литературе, искусстве и о современных направлениях общественной деятельности. В Берлине он познакомился с 2-м его братом - Садль (Stael) ². В следующие годы путешествовал он по Италии, Франции ³ и Швеции. С 2-м его братом жил он попеременно в Италии, Франции, Вены, Узонгольме и ^(Швейцарии) ^(в Голландии) Копенгагене (Copenhagen) у Мемельского озера. Настоящий принц шведский назначил его своим секретарем в 1813 г.; его деятельность во время войны приобрела ему большую известность. В 1818 г. Шлегель занял кафедру истории литературы и искусства в Голландии, по преимущественно

1) "Атенеи"

2) доктор французского министра Кескел, сочинитель трагедии "Cottine ou l'Italie" и "L'Allemagne". Наполеон преследовал ее в Берлине, она умерла в 1817 г.

3) где в Париже он изучил индийскую литературу.

